Джанет
Иванович
Кто найдет ключ
к лабиринту загадок?
ИСКАТЕЛИ
СОКРОВИЩ

Джанет Иванович

Искатели сокровищ

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2012

УДК 821.111(73)
ББК 84.7США

Иванович Д.

Искатели сокровищ / Д. Иванович — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2012

Тайны, погони, ловушки… Задача Лиззи Такер и ее напарника Дизеля – найти древние артефакты: семь магических камней, обладающих огромной силой. Герои идут по следу камня Вожделения – к нему ведут зашифрованные подсказки… Но только тот, кто верит в истинную любовь, сможет обрести священный артефакт.

УДК 821.111(73)
ББК 84.7США

© Иванович Д., 2012
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2012

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 16
Глава 4 20
Глава 5 24
Глава 6 29
Глава 7 33
Глава 8 37
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Джанет Иванович
Искатели сокровищ

© Evanovich, Inc., 2012
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2015

* * *

Глава 1

Зовут меня Лиззи Такер, и я всегда считала себя нормальной. Я блондинка – с небольшой помощью соответствующей химии. Глаза карие – это у меня от дедушки Гарри. Росту во мне пять футов пять дюймов, объем груди больше объема талии, так что я вполне довольна собой. Детство мое было умеренным в плане потрясений и прошло без каких-то серьезных несчастий. Я не была чирлидером или королевой выпускного бала, не получала наград за отличную учебу. После средней школы пошла учиться в кулинарную школу, где мне с большим трудом давался забой всякой живности, зато я преуспела в выпечке. Была помолвлена, потом это дело поломалось. Повезло парню. В январе, через три дня после моего двадцать восьмого дня рождения, я получила дом в наследство от своей двоюродной бабушки Офелии, а работаю я шеф-поваром по выпечке в булочной Даззла в Салеме.

В течение пяти дивных месяцев я жила с ощущением, что жизнь моя наконец-то налаживается. И тут в мой мир ворвались двое мужчин плюс одна обезьяна и изменили его навеки.

Одного из этих мужчин зовут Вульф – сокращенно от Гервульф Гримуар[1]. Он очень красив, но это зловещая красота: черные как смоль волосы волнами спадают до самых плеч, кожа бледная, глаза почти черные – при этом помыслы у него даже еще более темные, чем его глаза. Второй парень – крупный, неопрятного вида блондин, вечно околачивавшийся на пляже. Он обладатель крепкого мускулистого тела, сомнительной репутации и обезьянки по имени Карл. Однако этот здоровенный парень, при всей своей неряшливости, необъяснимым образом очень обаятелен, и зовут его, естественно, тоже соответствующе – Дизель.

Оба они мои ровесники. По словам Дизеля, мы представляем собой «часть свободно организованной группы людей, обладающих сверхспособностями». Сама я не очень во все это верю, но полностью не верить тоже не могу. Я признаю́, что отдельные люди умнее, храбрее, сильнее остальных, некоторые лучше поют, другие более удачливы. Поэтому кто сказал, что у кого-то не могут быть особые способности выше, чем у других? С другой стороны, он и не строит из себя Супермена с планеты Криптон, верно ведь?

Это мой первый октябрь в Новой Англии. Я по-прежнему люблю свою работу и маленький, на две спальни домик бабушки Офелии, приютившийся на склоне холма с видом на гавань Марблхеда. Дом этот был построен в 1740 году и с тех пор несколько раз претерпевал некоторую реконструкцию – с бо́льшим или меньшим успехом. Он немного перекошен, и окна у него не строго вертикальные, зато в нем есть работающий камин, и с самого первого дня я чувствовала себя здесь дома.

Обычно я работаю с пяти утра до часу дня, но сегодня у меня выходной. В окно кухни бил косой дождь, и старый клен на заднем дворе уныло скрипел под ветром. Я как раз нарезала овощи для супа, когда задняя дверь распахнулась и в мою крошечную прихожую ввалился Дизель. На нем были высокие байкерские ботинки, потертые джинсы, футболка с рекламой пива и серый свитер с расстегнутой змейкой. На щеках красовалась двухдневная щетина, густые растрепанные волосы были мокрыми от дождя, и выглядел он очень сексуально.

– Мне нужно, чтобы ты пошла со мной, – сказал Дизель. – Одного парня только что столкнули с балкона на четвертом этаже, и в этом как-то замешан Вульф. Поговаривают,

[1] Гримуа́р, или гримория (фр. *grimoire*, от фр. *grammaire*) – книга, описывающая магические процедуры и заклинания для вызова духов (демонов). – *Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*

что Вульф напал на след еще одного камня САЛИГИА[2]. И я подозреваю, что убийство имеет к этому какое-то отношение.

История, упомянутая Дизелем, гласит, что вся сила семи смертных человеческих грехов сосредоточена в семи древних камнях. Они называются камнями САЛИГИА, и если собрать их все в одном сосуде… ну, тогда зло по-настоящему возобладает в мире и на земле начнется что-то вроде ада. Кое-кто считает, что камни эти каким-то образом оказались в Салеме. Одним из таких людей является как раз Вульф, который дал нам понять, что они ему нужны. Поскольку Вульф время от времени переходит на сторону темных сил, на Дизеля была возложена миссия воспрепятствовать тому, чтобы камни эти попали к Вульфу.

– В принципе, я бы не возражала прошвырнуться, – ответила я Дизелю, – но в данный момент я варю суп.

– О'кей, тогда давай разберемся, что мы имеем. Ты можешь остаться здесь и варить свой суп, а можешь пойти со мной и спасти человечество, которому грозит попасть в котел к Сатане.

Я шумно вздохнула. Обладать особыми способностями хорошо только на бумаге. Существуют определенные люди, вроде Вульфа, которые получают удовольствие от власти, которую эти возможности дают, но я нахожу этот дар тяжким бременем. Да, я понимаю, что кто-то должен спасать мир от попадания в адский котел, но почему именно я?

– Сказать по правде, я никогда до конца не верила во все эти разговоры насчет САЛИГИА, – сказала я. – И к тому же я не чувствую себя достаточно готовой спасать человечество.

– Ты обладаешь самой главной способностью, которой у меня нет, – ответил Дизель. – Ты одна из всего двух человек, способных чувствовать предметы, имеющие отношение к камням САЛИГИА.

– И ты считаешь, что я должна буду воспользоваться своей способностью на месте преступления?

– Может, этого и не понадобится, – сказал Дизель, – но ты просто классная девушка. И если уж мне придется идти под дождем, чтобы посмотреть на какого-то идиота, шлепнувшегося с балкона на тротуар, я бы предпочел взять тебя с собой.

– Так ты и вправду думаешь, что я классная?

– Да. Слушай, ты не могла бы поторопиться?

Это довольно тревожный знак – похоже, меня легко можно сбить с помощью такого непритязательного комплимента, – но что имеем, то имеем. Я сгребла нарезанные овощи в кастрюлю и накрыла ее крышкой, после чего схватила свою сумочку с кухонной стойки, сняла с вешалки у двери куртку с капюшоном и вышла на улицу.

Было довольно холодно, тучи висели низко, и дождь стал моросящим. В гавани ниже моего дома по-прежнему стояли на приколе лодки, но по сравнению с летним ажиотажем их стало намного меньше. В Новую Англию определенно добралась осень.

Дизель открыл калитку в заборчике из белого штакетника, которая вела из моего заднего дворика на аллею, куда он заехал против всяких правил. Ездил он на красном джипе «Гранд Чероки». Машина была не новая, но и не старая, обычно она была заляпана грязью и покрыта дорожной пылью. Но сегодня верхний слой грязи смыл дождь, так что выглядела она почти чистой.

Я проскользнула внутрь и примостилась на пассажирском сиденье, после чего поняла, что сзади сидит Карл. Он посмотрел на меня, помахал пальцем и улыбнулся своей жутковатой обезьяньей улыбкой – сплошные обезьяньи зубы, оттопыренные обезьяньи губы и безумные и ясные обезьяньи глаза.

---

[2] САЛИГИА (SALIGIA) – акроним из первых букв всех семи смертных грехов (лат., *Superbia* – гордыня, *Avaritia* – жадность, *Luxuria* – вожделение, *Invidia* – зависть, *Gula* – чревоугодие, *Ira* – гнев, *Accidia* – праздность).

Я росла в пригороде, и у нас в доме были собаки, кошки, хомячки, морские свинки, попугайчики и рыбки. Но обезьян – никогда, так что для меня это был новый и порой беспокойный опыт.

Дизель выехал по Везерби-стрит на Плэзент, Плэзент скоро перешла в Лафайет, а уже Лафайет привела нас к мосту, который вел в Салем. В потоке машин мы проехали центр города, свернули в северный район и, припарковавшись на Брейнтри-стрит позади полицейской патрульной машины, прошли к тому месту, где уже собралась небольшая толпа.

Район этот был смешанный, жилой и торговый одновременно. Напротив семиэтажного многоквартирного дома из желтого кирпича постройки примерно семидесятых годов стояли припаркованные под углом полицейские машины, фургончик судмедэксперта и карета скорой помощи. Место происшествия перед домом было огорожено желтой лентой, где была установлена импровизированная ширма, чтобы закрыть от всяких любопытствующих ротозеев вроде меня тело, распростертое на скользком от дождя тротуаре. И слава богу, потому что видеть мертвого человека мне очень не хотелось.

– Ты знаешь, как его звали? – спросила я Дизеля.

– Джилберт Риди. Профессор из Гарварда. По данным моего источника, он разбился, упав с высоты, но на шее у него ожег в форме отпечатка человеческой ладони.

Я почувствовала, как в желудке тревожно заворочался завтрак, а над верхней губой выступили капельки пота.

– Вот блин, – сказала я. – Черт…

Дизель взглянул на меня.

– Дыши глубже. И думай о чем-нибудь другом.

– Как, интересно, я могу думать о чем-то другом? Передо мной на асфальте лежит труп, а на коже у него ожог от руки.

– Думай о бейсболе, – предложил Дизель.

– Ладно, пусть будет бейсбол. Я играю или только смотрю?

– Смотришь.

– Смотрю в парке? Или по телевизору?

– По телевизору.

Дизель задрал голову и уставился на разбитый вдребезги навес под крошечным балконом на четвертом этаже. Я тоже посмотрела вверх.

– Я знаю только одного человека, способного сконцентрировать достаточно энергии, чтобы оставить рукой ожог на чьей-то шее, – сказал Дизель.

– Вульф?

– Да.

– Значит, ты считаешь, что это Вульф выкинул Риди с балкона?

– Все указывает именно на это, но на Вульфа это не похоже. Вульф любит все делать аккуратно. А тут – полный бардак. Не могу представить, чтобы он выбросил этого парня из окна… тем более под дождь.

– Это скорее в *твоем* стиле, – сказала я.

– М-да, это больше похоже на меня.

Я оглядела толпу по другую сторону от места происшествия и заметила там Вульфа. Он стоял один и был одет в безукоризненные черные слаксы и свитер. Он явно не был похож на человека, который совсем недавно выкинул кого-то с четвертого этажа. Волосы его были зачесаны назад, а темные глаза так сфокусированы на мне, что у меня начало покалывать кожу.

Я почувствовала, что Дизель придвинулся ближе, рука его легла мне на плечи. Защитный жест. Вульф с пониманием кивнул. Последовала вспышка света, сопровождавшаяся небольшим облачком дыма, а когда дым рассеялся, его уже не было.

– Он эти штучки с дымом откалывает с тех пор, как на третьем курсе съездил в летний лагерь для магов, – сказал Дизель. – Все это уже устарело. Пора бы для салонных фокусов освоить что-нибудь новенькое.

Дизель и Вульф – двоюродные братья. Их объединяют узы крови, но разъединяют темперамент и идеология. Дизель работает на регулятивное ведомство, приглядывающее за людьми с необычными способностями, в качестве своего рода охотника за нарушителями порядка. А Вульф – это просто Вульф. И судя по тому, что мне о нем рассказывали, ничего хорошего в этом, как правило, нет.

– И что теперь? – спросила я Дизеля. – Собираешься рассказать о своих догадках полиции?

– Нет. У нас так дела не делаются. Ответственность за Вульфа лежит на мне.

– Вот как?

– Именно. И этим я займусь сам.

Мимо меня промелькнул комок коричневой шерсти, и Карл проскользнул за брезент, закрывавший мертвое тело.

– Я думала, ты запер его в машине, – сказала я.

– Я и запер.

– Что за хрень? – крикнул кто-то из-за ширмы. – Откуда взялась эта обезьяна? Она мешает на месте происшествия. Кто-нибудь, вызовите службу контроля за животными!

Дизель тоже скользнул за ширму и вернулся оттуда с Карлом. Мы поспешили к машине, уселись в нее и рванули по улице.

– Он что-то держит в руке, – сказала я Дизелю. – Похоже на какой-то ключ.

Карл тут же сунул эту штуку в рот и сцепил зубы.

– Эээээ!

Я предложила ему жвачку, обмен состоялся, и ключ очутился у меня. Судя по размеру, это мог быть ключ от замочка на ежедневнике или рабочем журнале. Он был украшен замысловатой гравировкой в виде виноградной лозы и листьев.

– Твой? – спросила я Дизеля.

– Нет. Он, должно быть, подобрал его на земле.

– Возможно, он забрал его у Риди. Вытащил из кармана, например.

– Я видел Риди, никаких карманов у него не было. На нем были только семейные трусы и один носок. Думаю, ключ мог быть спрятан у него в носу или воткнут еще куда-нибудь.

Я вытащила из сумки дезинфицирующий спрей для рук и на всякий случай пшикнула им на ключ. Дизель проскочил пару перекрестков, выехал на Лафайет и свернул в сторону Марблхеда.

– Ну что, мы закончили?

– Если бы мы закончили, я бы уже валялся где-нибудь на пляже на тихоокеанском побережье. Я подумал, что мы сейчас вернемся к тебе домой, чтобы ты могла доварить свой суп, а я тем временем наведу справки насчет этого Джилберта Риди.

Глава 2

Дизель съехал с Плэзент-стрит и принялся кружить по исторической части Марблхеда, по узеньким улочкам, первоначально предназначавшимся для лошадей и пешеходов. Затем он свернул на Везерби-стрит и припарковался перед моим маленьким домиком: серые доски обивки, белая окантовка, по бокам красной входной двери висят стеклянные светильники.

На крыльце сидела Гло в черной куртке с натянутым на голову капюшоном, прижимая к груди большую брезентовую сумку, похожую на почтальонскую. Она одинокая, как и я. На четыре года младше, на дюйм ниже, работает там же, в булочной Даззла, продавщицей. Курчавые рыжие волосы подрезаны коротко, а стиль в одежде позиционируется где-то между диснеевской принцессой и панк-рокером. Сегодня на ней были черные угги[3], черные колготки, короткая черная юбка и вязаная блузка в черную, оранжевую, розовую и нежно-голубую полоску. Увидев нас, она поднялась, и лицо ее расплылось в широкой улыбке.

– Я уже боялась, что ты никогда домой не вернешься и я тут застряну на веки вечные, – сказала она.

Я оглядела улицу.

– А машина твоя где?

– Осталась возле дома. Из нее что-то течет.

– Как же ты сюда добралась?

– Сосед ехал в эту сторону и подбросил меня. Я думала, что ты сегодня утром варишь суп.

– Планы на время изменились, – сказала я.

Дизель открыл входную дверь, куда сразу же рванулся Карл. Мы последовали за ним в дом, ну, в кухню, где на табурете восседал Кот 7143. Был он короткошерстный, в полоску, как у тигра, с одним глазом и половиной хвоста. Гло как-то забрала его из приюта для бездомных животных и принесла ко мне. В документе на передачу из приюта он был записан как «Кот 7143», и с тех пор это имя закрепилось за ним. Кот спрыгнул с табурета, презрительно фыркнул на Карла и с достоинством удалился.

– Накладывала на кого-то заклятие в последнее время? – спросил Гло Дизель.

Гло поставила свою почтальонскую сумку на кухонную стойку.

– Нет. Пыталась колдовать на своей метле, чтобы она была веселой и радостной, только из этого ничего не вышло. Она по-прежнему злится.

Гло уже четыре раза перечитала все книжки о Гарри Поттере и горит страстным желанием колдовать. Несколько месяцев назад она обнаружила в антикварном магазине «Книгу заклятий Риппла» и с тех пор пробует оттуда всевозможные заклинания. Я очень люблю Гло, она прекрасная продавщица в булочной, но как колдунья – это полная катастрофа.

– Овощной суп с вермишелью на говяжьем бульоне.

– А ты не добавляешь в него какие-нибудь экзотические приправы? У меня есть с собой немного порошка из сушеных глаз тритона. – Гло порылась в сумке и извлекла из нее небольшую баночку. – А еще у меня есть яйца ящерицы, но они могут быть уже просроченные. Купила на распродаже.

– Спасибо, – сказала я, – как-нибудь обойдусь.

Я вынула из кармана маленький ключик и, положив его на стойку, направилась к крану, чтобы вымыть руки.

---

[3] Угги – разновидность сапог из овечьей шерсти, с мехом внутри и замшей снаружи (традиционная обувь Австралии).

– О господи! – воскликнула Гло. – Это же Ключ Лавея[4]. Не думала, что ты можешь купить сонеты.

– Никаких сонетов я не покупала, – сообщила я. – Ключ я нашла. Точнее, это Карл его нашел.

Гло взяла ключ и принялась внимательно разглядывать.

– Если присмотреться повнимательнее, среди виноградных лоз можно увидеть букву «Л». Ключ древний, и Нина из «Магазина старинной экзотики» говорит, что он может иметь магическую силу. Он входит в комплект к маленькой книжечке сонетов. Я копила деньги, чтобы купить у Нины эту книжечку, но меня кто-то опередил.

Я повязала фартук и внимательно посмотрела на Гло.

– Не думала, что ты такая любительница поэзии.

– Нина давала мне почитать некоторые сонеты. Они такие романтичные, но есть совершенно вульгарные и непристойные.

– Что может быть увлекательнее, чем непристойный сонет, – сказал Дизель, беря с тарелки рогалик.

Я не могла себе представить, чтобы Дизелю нравились сонеты, пристойные они или непристойные. Мне казалось, что в поэзии его уровень – максимум лимерик.

Гло положила ключ на стойку.

– Нина говорила, что конкретно эти сонеты гарантированно возбуждают страсть, и я подумала, что они могут мне пригодиться. Никогда не знаешь, когда может понадобиться разбудить в ком-нибудь страсть, верно?

Я посмотрела на Дизеля и подумала, что скорее бы воспользовалась чарами, которые помогли бы мне эту страсть *игнорировать*.

– Хочу провести кое-какое расследование относительно Джилберта Риди, – сказал мне Дизель. – Не возражаешь, если я воспользуюсь твоим компьютером?

– Конечно.

– А кто такой этот Джилберт Риди? – поинтересовалась Гло.

– Один погибший тип, – ответил Дизель, – который нырнул ласточкой с балкона четвертого этажа сегодня утром.

Я накрыла стол в столовой на троих и подала на ленч суп и свежевыпеченный хлеб, а на десерт – овсяное печенье. Из гостиной к нам вернулся Дизель, а на четвертый стул запрыгнул Карл.

– Чии? – спросил Карл.

– Нет, – сказал Дизель. – Это суп. Помнишь, как тебя пронесло после картофельного пюре? Так вот суп – еще хуже.

Карл протянул ему палец, спрыгнул на пол и, сбегав в кухню, принес оттуда миску. Поставив ее на скатерть, он вновь вскарабкался на стул. Ему было слишком низко, глаза находились на уровне столешницы. Поэтому он сбегал в кладовку и вернулся оттуда с подставкой-скамеечкой для кормления детей. Взобравшись на нее, он улыбнулся всем своей пугающей улыбкой. Многообещающий малый.

– Какой он умный! – восхитилась Гло. – Он хочет супа.

Я смотрела, как Карл ест, и была согласна с Дизелем, что суп – это не самая удачная идея. Я положила в миску ломтик хлеба и слегка полила его бульоном, но Карл показал на кастрюлю с супом, а затем – на свою миску. Он хотел еще.

– Ни за что! – заявил Дизель.

---

[4] Лавей (*Lovey*) – милый, возлюбленный, душечка (*англ.*).

Карл обиженно сбросил миску на пол и уставился на Дизеля испепеляющим взглядом. Дизель шумно вздохнул, подхватил его с детской скамеечки, донес до задней двери и вышвырнул на улицу.

– А что, если он убежит? – спросила Гло.

– Значит, мне повезло, – ответил Дизель.

– Никуда он убегать не собирается, – успокоила их я. – Он будет торчать под дверью под дождем, пока мы не впустим его обратно, а после этого весь дом будет вонять промокшей обезьяной.

Снаружи раздался какой-то скрежет, ручка повернулась, дверь открылась, и Карл как ни в чем не бывало протопал в гостиную, не обращая на нас никакого внимания. Включив телевизор, он пощелкал кнопками и остановил свой выбор на канале «Покупки для дома». Мы дружно закатили глаза и вернулись к обеду.

– Нашел что-нибудь интересное по Риди? – спросила я Дизеля.

– Он преподавал английскую литературу елизаветинского периода. Был одинок. Родом из Среднего Запада. Ездил на гибриде[5]. Сорок два года. Никаких указаний на что-то необычное или из ряда вон.

– Слушайте, это впечатляет, – сказала Гло. – Неужели все это ты выяснил с помощью простой поисковой программы?

Дизель вытер остатки супа на дне тарелки коркой хлеба.

– Нет. Это было на его страничке в Фейсбуке. А еще у него есть блог, где он написал, что обнаружил книжку сонетов, которая, как ему сказали, обладает магической силой.

Глаза Гло округлились.

– Я уверена, что он имел в виду ту самую книжечку! Так вы нашли этот ключ у него? Он принадлежал Джилберту Риди?

– Может быть, – сказал Дизель. – А может, и нет.

В гостиную вошел Карл и показал Дизелю свою голую задницу. Эффект от этого жеста был несколько смазан из-за того, что, поскольку штанов у Карла не было, все это мы уже видели и раньше.

– Фраер! – хмыкнул Дизель. – Десерт так не зарабатывается.

Карл насторожился и весь превратился во внимание.

– Эээп?

– Печенье, – сообщила я ему.

Карл вскочил на свою скамеечку на стуле и, сев строго прямо, как будто шомпол проглотил, положил руки перед собой на стол. Он снова был *хорошей* обезьяной. Я дала ему печенье, и он полностью засунул его в рот.

– Ну и манеры, – проворчал Дизель.

Карл выплюнул печенье на скатерть, поднял его и принялся аккуратно грызть.

– Наверное, пойду я домой, – сказала Гло, когда все поели. – Нужно еще постирать, да и метла моя может заскучать. – Она отнесла свою тарелку в кухню, влезла в куртку и повесила на плечо сумку на длинном ремне. – Спасибо за суп и печенье. Завтра с утра увидимся. – Она вышла через заднюю дверь, но через мгновение вернулась. – Я же не на машине. Совсем вылетело из головы.

– Нет проблем, – сказал Дизель. – Мы с Лиззи все равно собирались уезжать. Можем подбросить тебя домой.

Я удивленно посмотрела на него.

– Мы собирались уезжать?

– Нужно кое-кого повидать. И кое-что сделать.

---

[5] Гибрид – автомобиль, оснащенный как двигателем внутреннего сгорания, так и электродвигателем.

Через двадцать минут мы высадили Гло возле ее дома. А еще через пятнадцать – припарковались перед многоквартирным домом, где жил Джилберт Риди. Разбитое окно в лоджии на четвертом этаже было закрыто листом фанеры. Это был единственный знак, напоминавший о происшедшей здесь трагедии. Тело с тротуара давно убрали. Полицейские машины и «скорая помощь» разъехались. Лента ограждения места происшествия исчезла. Фургончика криминалистов тоже не было видно. С неба продолжал моросить мелкий дождик.

Дизель вышел из машины и открыл мне дверцу.

– Давай-ка осмотримся.

– Сам осмотрись. Я тут подожду.

– Так дела не делаются, – возразил Дизель. – Мы же партнеры.

– Не хочу я быть никаким партнером.

– Ну да. А я не хочу жить с обезьяной.

Это было резонное замечание, так что я отстегнула ремень безопасности и потащилась за ним в фойе. Когда он подошел к лифту, я шагнула назад.

– Тпру… – сказала я. – Куда это ты собрался?

– Риди жил в квартире 4В.

– Так ты собираешься вломиться к нему?

– Ну да.

– Это незаконно. И к тому же противно.

Дизель втолкнул меня в кабину лифта и нажал кнопку с цифрой 4.

– По моим ощущениям, сейчас это будет очень правильно.

– А по моим ощущениям – все наоборот.

– Ты младший партнер. И право голоса у тебя всего на пятнадцать процентов.

– Чего это я младший партнер? Я обладаю такой же силой, как и ты.

Дверь лифта открылась на четвертом этаже, и Дизель вытащил меня в холл.

– Помечтай.

– Ты можешь обнаруживать людей, наделенных силой, а я могу находить такие же предметы. И мне кажется, что в этом мы с тобой равны.

– Дорогая, я обладаю длинным перечнем разнообразных сверхъестественных способностей. Давай смотреть правде в глаза: твое дело – печь кексы.

У меня челюсть отвисла.

Дизель ухмыльнулся.

– Это исправит ситуацию, если я скажу, что кексы у тебя по-настоящему классные?

– Больше ты их никогда не попробуешь.

Дизель обнял меня за плечи и прижал к себе.

– Ты не можешь говорить такие ужасные вещи серьезно.

Он снял кусок полицейской ленты, запечатывавшей дверь квартиры 4В, и, положив руку на замок, отодвинул задвижку, наглядно продемонстрировав лишь одну свою способность из всего длинного их перечня. Дизель мог отпереть *что угодно.* Он повернул ручку, и мы зашли в квартиру Риди, после чего Дизель запер за нами дверь.

Квартирка была маленькая, но уютно обставленная, с большим мягким диваном и двумя креслами. Большой журнальный столик, заваленный книгами, несколько ручек, пачка бумаг, перетянутая широкой резиновой лентой. Напротив дивана – плоский телевизор, рядом с разбитой застекленной дверью на балкон – письменный стол. Мы прошли в кухню. Кухонная утварь старенькая, но чистая. Небольшой столик с двумя стульями. Чашка из-под кофе в раковине. Была еще одна спальня и одна ванная комната. В которых также не оказалось ничего необычного.

– Что мы здесь делаем? – спросила я Дизеля.

– Ищем что-нибудь.

– Это, конечно, очень конкретно.

Мы подошли к книжному шкафу возле письменного стола Риди. Здесь была широко представлена классика, стояло несколько биографических изданий, немного исторических романов и большая коллекция поэзии, которая занимала целую полку. Книжки Лавея здесь не было. Я сходила в спальню Риди и осмотрела все там. Сонетов здесь тоже не было, как не было их в ванной и в кухне.

– Все вроде бы на своих местах, – сказала я, – но сонетов Лавея я не вижу.

– Здесь уже прошлись криминалисты в поисках отпечатков пальцев и забрали все, что, по их мнению, может пригодиться, – пояснил Дизель. – Я, например, не вижу мобильного телефона и компьютера. Думаю, они могли забрать эту книжку, хотя это и маловероятно. У них не было оснований считать ее чем-то важным и имеющим отношение к делу. Скорее всего, ее забрал убийца.

Я подошла к журнальному столику и остановила взгляд на антологии Шекспира: книга весила фунтов четырнадцать. Обложка была потертой, страницы обтрепанные и желтые от возраста. Книга была заложена блокнотом с разлинованными листами. Я открыла книгу и быстро пробежала страницу глазами.

– Риди читал в антологии один из сонетов Шекспира, – сказала я Дизелю. – И сделал какие-то пометки. Он переписал строчку «То нам слепит глаза небесный глаз»[6], рядом написал *Ключ к камню Вожделения* и дважды это подчеркнул. Дальше на странице идет список разных документов и книг по его специальности. Последней в этом перечне стоит книга Лавея.

Дизель взглянул через мое плечо на заметки Риди.

– Luxuria – это по-латыни «вожделение»?

– Ты знаешь латынь?

– Superbia, Acedia, Luxuria, Ira, Gula, Invidia, Avaritia. Семь смертных грехов. На этом мои познания в латыни заканчиваются.

– Ты думаешь, Риди убили из-за того, что он занимался исследованиями, посвященными камню Вожделения?

– Люди веками охотились за этими камнями, основываясь лишь на слепой вере в их существование, и, чтобы добыть их, творили жуткие вещи. Не удивлюсь, если Риди стал еще одной жертвой в длинном ряду погибших за эти камни.

Вдруг мы замерли – кто-то пытался повернуть ручку входной двери. Послышался тихий скрежет. Пауза. Вновь скрежет и покручивание ручки. Снова пауза. Кто-то пытался открыть замок, но безуспешно. Дизель подошел к двери и взглянул в смотровой глазок, затем с улыбкой повернулся ко мне.

– Это Хэтчет[7], – сказал Дизель. – Похоже, он уже уходит.

Стивен Хэтчет был рыхлым типом со взъерошенными рыжими волосами. Он присягнул на верность Вульфу, одевался в стиле Ренессанса и отличался совершенно безумным нравом. Лет ему под тридцать, и он был единственным известным человеком, обладавшим способностями, схожими с моими. Предположительно он мог чувствовать магическую энергию, скрытую в обычных предметах. На первый взгляд это кажется совершеннейшей фантазией, но я, например, считаю, что это мало чем отличается от умений фермера, использующего прутики из лозы, чтобы отыскать под землей воду. Хотя, честно говоря, в эту самую лозу я не очень-то верю.

Мы еще раз прошлись по квартире, и Дизель забрал антологию, блокнот и папки.

---

[6] Сонет 18, перевод С. Я. Маршака.

[7] Хэтчет (*Hatchet*) – большой нож, резак (*англ.*).

– Нельзя брать все эти вещи, – возмутилась я. – Это воровство.

– Считай, что мы одолжили их на время, – ответил Дизель. – Когда-нибудь я, возможно, верну это обратно.

Дизель запер за нами дверь и прилепил на место обрывок желтой полицейской ленты. Выйдя из лифта в фойе, мы столкнулись с Хэтчетом, который тянул с собой бензопилу.

– А Вульф знает, что ты балуешься с автоматическим инструментом? – спросил у него Дизель.

– Мой господин знает только то, что я во что бы то ни стало сделаю порученную мне работу. А как это произойдет, ему все равно. Большего тебе и твоей девке знать не обязательно.

Я прищурилась и двинулась в направлении Хэтчета.

– Девки? Что-то я не поняла.

Дизель обнял меня за плечо и отодвинул назад как раз настолько, чтобы мой кулак не мог дотянуться до носа Хэтчета.

– Успокойся, никакой это не секрет, – сказал Дизель. – Все знают, что Вульф ищет камень Вожделения.

– И мы его найдем, – сказал Хэтчет. – Сонеты у нас уже есть, скоро получим и ключ.

– Почему же вы не забрали ключ, когда брали сонеты? – спросил Дизель.

Лицо Хэтчета стало пунцово-красным.

– Упущение вышло.

Он развернулся на каблуках и зашагал в сторону лифта.

– Он собирается бензопилой прорезать дырку в двери квартиры Риди, – сказала я.

– Ну, это вряд ли, – ответил Дизель. – Дверь бронированная, противопожарная. Если Хэтчет собирается попасть внутрь, ему придется пробиваться через стену.

Глава 3

К моменту, когда мы доехали до моего дома, снова начался проливной дождь. Я сбросила мокрые туфли в прихожей и босиком прошлепала в кухню. Дизель взял из вазочки два печенья.

– Мог бы и постоять за мою честь, когда Хэтчет назвал меня девкой, – заявила я Дизелю.

– Я просто наслаждался моментом. Всегда мечтал иметь собственную девку.

В кухню приковылял Карл. Он спал на диване в гостиной, и шерсть у него на голове после спанья стояла дыбом. Он почесал живот и уставился на печенье в зубах у Дизеля.

– Эээ?

Я дала Карлу печенье и переключила все внимание на антологию и папки, которые Дизель выложил на кухонную стойку. На первой папке было написано «Общая история САЛИГИА». Во второй находилась диссертация под названием «Миф о камне Вожделения», автор – какой-то Карл Сторк. Плюс еще одна, более короткая статья того же автора. Обе эти работы Сторка были написаны в 1943 году. В третьей папке находилась подборка каких-то скрепленных страничек, а также заметок и статей, вырезанных из газет и журналов.

– Большинство материалов в этой папке относительно свежие, – сказала я. – Несколько заметок, написанных от руки. Газетная статья о выставке в музее, которая открылась на прошлой неделе. Копия статьи о Салемских ведьмах. – Я вытащила листок насчет ведьм и начала читать. – Ну и дела! Статья эта посвящена тому, что Мириам Лавей подозревается в колдовстве. Здесь написано, что она исчезла, прежде чем попала под суд. Тогда ей было пятнадцать.

– Есть какое-то упоминание о сонетах сексуального содержания?

– Нет. Но ее обвиняли в том, что она возбуждает в мужчинах непотребные желания.

Дизель взял статью у меня из рук и прочел сам.

– От всех этих разговоров про суд над ведьмами у меня мурашки по яйцам разбегаются.

– Господи, как же я рада, что ты поделился со мной такой новостью!

– А у тебя нет эквивалентной части тела, которая реагировала бы подобным образом, пока мы с тобой об этом говорим?

– Нет. Зато меня от этого тошнит.

Неожиданно звякнул мой колокольчик у входа, и кто-то принялся громко тарабанить в дверь. БАМ-БАМ-БАМ!

Я открыла, и в дом с обнаженным мечом ввалился Хэтчет.

– Давайте это сюда, – выпалил он, – а не то я зарублю вас обоих!

– Это абсолютно не соответствует стилю эпохи Возрождения, – фыркнул Дизель. – Совершенно идиотское заявление.

– Можете насмехаться сколько угодно, но придет время, и вы еще придете на поклон к моему повелителю, да и ко мне тоже.

Перспектива кланяться Вульфу, да еще и Хэтчету в придачу, похоже, нисколько не встревожила Дизеля.

– Ты ведь не просто так зашел в гости, верно?

– У вас есть то, что по праву принадлежит нам. Книга у нас, а ключ является ее неотъемлемой частью.

– Что еще за ключ? – удивленно спросил Дизель.

– Ты сам прекрасно знаешь. Ключ Лавея.

– Нет, у нас его нет, – сказал Дизель.

– Ты лжешь. Вы побывали в квартире Джилберта Риди как раз перед моим приходом и забрали ключ.

– Почему ты так в этом уверен? – возразил Дизель. – А может, ключ забрали полицейские. А может, никакого ключа не существует. Возможно, Риди проглотил его, и тогда он обнаружится при вскрытии.

– Я уверен, потому что обладаю даром, – не сдавался Хэтчет. – Я ощущаю такие вещи. Я чую их. У меня бывают видения. Кроме того, я только что заглядывал в окно вашей кухни и видел ключ на кухонной стойке.

– Кто нашел, тот и хозяин, – заявил Дизель.

Глаза Хэтчета едва не вылезли из орбит, лицо покрылось красными пятнами.

– Он должен быть нашим! Так сказал мой хозяин. Вы отдадите его мне или умрете!

Он поднял меч и сделал шаг в мою сторону, но в этот момент в воздух взмыл Кот 7143 и вцепился Хэтчету в лицо.

– ОЙЙЙЙ! – завопил Хэтчет и, бросив меч, принялся отбиваться от Кота.

Дизель сгреб тунику на груди Хэтчета и приподнял его над полом.

– Позволь теперь мне с ним разобраться, – сказал он Коту.

Кот отпустил физиономию Хэтчета и, грациозно спрыгнув на пол, небрежно стряхнул с лапы клок волос Хэтчета, зацепившийся за коготь.

Дизель на вытянутой руке отнес Хэтчета к выходу, вышвырнул на улицу и запер за ним дверь.

БАМ-БАМ-БАМ! Хэтчет принялся стучать снова.

Дизель открыл дверь и взглянул на него сверху вниз.

– Что еще?

На лице у Хэтчета были видны ссадины и царапины от кошачьих когтей, которые уже начали кровоточить.

– Кажется, я оставил свой меч у вас в гостиной.

Дизель принес меч и сунул его Хэтчету в руки, после чего снова запер дверь.

– Ты никогда не задумывалась над тем, чтобы повесить шторы на окна в кухне? – спросил у меня Дизель.

– Они денег стоят.

– Возможно, мне следует сегодня переночевать здесь. Для твоей безопасности.

– В этом нет необходимости. У меня есть Кот.

Мой радиобудильник включился в 4:15 утра. За окном было еще темно. Кот спал в ногах моей кровати. Дождя слышно не было. Все это были пока что хорошие знаки. Я нехотя вылезла из постели, приняла душ и оделась в свою обычную униформу, состоявшую из джинсов, футболки и кроссовок.

Полы в доме были выстланы широкими досками из желтой сосны. Некоторые из них были очень-очень старыми, другие – совсем новыми. Низкие потолки. Стены оштукатурены и побелены, как это делали в старину. Оконные рамы деревянные, с небольшими стеклами. Кухня – далеко не хай-тек, но все очень функционально. В ней я чувствовала себя уютно. Над небольшой рабочей зоной на крюках, привинченных к потолочной балке, висели все мои кастрюли и сковородки.

Я начала варить кофе, потом насыпала в миску немного корма для Кота и налила ему свежей воды. В ожидании, пока будет готов кофе, я ела маленькую упаковку черничного йогурта и строила планы на грядущий день.

Сегодня понедельник. Это означало, что предстоит испечь все мои обычные кексы плюс дополнительно сорок пять клубничных для еженедельного сборища за ленчем в яхт-клубе у мистера Нельсона. А еще нужно будет помочь Кларе с хлебом, потому что мистер Нельсон закажет также еще сорок пять сдобных кренделей с солью. На вторую половину

дня и вечер никаких планов не было, но складывалось впечатление, что Дизель обязательно найдет, чем заполнить этот пробел.

Я налила готовый кофе в походную кружку с закрывающейся крышкой, плеснула туда немного молока со сливками, надела куртку и взяла сумочку. Дизель забрал ключ Лавея и бумаги Риди с собой, но антология Шекспира до сих пор лежала на кухонной стойке. Я уставилась на книгу и почему-то подумала о Вульфе и Хэтчете… которые могут прятаться где-то в темноте между моим домом и машиной, готовые напасть на меня.

Если бы я позволила Дизелю заночевать здесь, он бы защитил меня от этих отвратительных, грубых монстров, жаждущих крови. Проблема только в том, кто бы тогда защитил меня от Дизеля? А Дизель – это шесть футов три дюйма чистого мужского искушения, от которого пересыхает во рту и замирает сердце. Он был невозможный, обворожительный, нахальный тип, практически источавший тестостерон. К тому же от него всегда прекрасно пахло. А еще он безбашенный. Он считал, что если двое людей со сверхъестественными способностями идут на одно дело, то один из них теряет свой особый дар, причем никогда нельзя сказать заранее, кто именно его лишится. Это полный облом, потому что если бы я точно знала, что это буду я, то с радостью пошла бы на такую жертву. К сожалению, если бы нам с Дизелем пришлось спасать мир только за счет моих способностей, я бы чувствовала себя беспомощной, словно в байдарке без весла посреди бурного потока.

Я выглянула из окна на свою машину. Она стояла под фонарем всего в нескольких шагах от моей двери. Вульфа с Хэтчетом видно не было. В окнах по всей улице было темно. Подавляющее большинство жителей Марблхеда еще спало. О мою ногу потерся Кот.

– Как думаешь, там безопасно? – спросила я у него.

Кот быстро моргнул, и я решила, что это должно означать «да».

Я открыла дверь и осторожно шагнула на улицу. У меня был план. Если кто-то набросится на меня, я стукну его сумкой, а потом ударю ногой в промежность. Я подумала, что нужно бы вдобавок еще и закричать, но очень уж не хотелось будить соседей. Я заперла дверь, быстро прошла к машине и прыгнула за руль. Никто на меня не набросился. Но внезапно из ниоткуда возник Вульф. Он стоял совершенно неподвижно, не давая закрыть дверцу, и молча смотрел на меня сверху вниз.

Я не успела набрать достаточно воздуха, чтобы закричать, да и бить Вульфа ногой в промежность тоже было уже поздно.

– Это место для тебя небезопасно, – сказал Вульф, голос у него был мягкий и вкрадчивый. – А у жизни, которую ты для себя выбрала, есть свои ограничения. Если бы ты играла на моей стороне, этих ограничений не было бы. Я мог бы дать тебе новую машину, собственную пекарню, дом, который еле держится на крутом склоне. – Он сделал паузу, и взгляд его немного смягчился. – Я мог бы сделать тебя нормальной.

Верхняя губа у меня покрылась капельками холодного пота. Откуда ему известно, что я бредила нормальностью? Я потянулась за ручкой дверцы, и взгляд мой уперся в идеально отглаженные брюки Вульфа. Ни единой складочки или даже морщинки. Глаза мои оказались на уровне его ширинки. Там у него тоже все было в норме, не слишком большое, не слишком маленькое – как кроватка младшего Мишутки из сказки про трех медведей. Как раз *то, что надо*.

– Благодарю, – сказала я, заставляя себя снова посмотреть ему в глаза. – Мне и так хорошо.

Через полчаса я заехала на небольшую стоянку позади нашей пекарни и припарковалась. Из открытых дверей лился на улицу яркий свет, в котором, словно волшебная пыль, парила мука́. Клара была уже за работой.

Кларина Даззл была последней из рода Даззлов, державших свою пекарню, появившуюся еще во времена пуритан. Ей принадлежало это историческое здание, где она жила

в небольшой квартире на втором этаже. Ей было сорок лет, дважды разведена, в данный момент одна. Роста она была моего, пять футов пять дюймов, но казалась выше, в основном из-за своих волос. Я блондинка, и волосы у меня прямые, как спица. У Клары же волосы черные с проседью, спадают почти до плеч, но о длине судить сложно, потому что они бешено вьются и их очень много. В жилах ее течет кровь индейцев вампаноа – впрочем, очень незначительная ее часть.

Я сменила куртку на белый халат шеф-повара и повязала белый фартук.

– Сегодня все, как обычно по понедельникам, – сказала Клара. – Дополнительные сдобные крендели и кексы с клубникой.

По утрам мы с Кларой мало разговариваем. В это время гудят и жужжат машины, пока вымешивается тесто для хлеба и в него добавляется масло для выпечки. Я занимаюсь здесь всем, от подбора ингредиентов до подготовки форм для дрожжевого теста, мысли мои сосредоточены на выполнении текущей задачи, и весь предстоящий день лежит передо мной как на ладони. Обычно лежит. Но сегодня в мой день уже вмешались Хэтчет и Вульф. А в голове крутится черт знает что: какие-то мечи, ключи, грязные угрозы и идеально выглаженные мужские брюки.

– С тобой все в порядке? – спросила Клара. – Ты разговариваешь сама с собой, уставившись на тесто для сладких кренделей.

– Была беспокойная ночь. Помнишь Стивена Хэтчета?

– Средневековый приспешник Вульфа.

– Да. У меня находится ключ, который он хочет забрать.

– А ты не хочешь отдавать?

– Не хочу.

– Что ж, – сказала Клара, – тогда вопросов больше нет.

Глава 4

Когда Гло влетела в кухню, было ровно восемь. Припарковав метлу в углу, она поставила свою почтальонскую сумку на полку.

– Вчера вечером произошло удивительное событие, – сказала она. – Я познакомилась с этим парнем в Интернете, и он просто идеальный. Думаю, что это и есть *мой единственный.* Мне кажется, он вполне может быть чародеем. Прямо он сам этого не говорит, но я чувствую определенные вибрации на тонком плане.

Я посмотрела на Клару и заметила, что она изо всех сил пытается подавить презрительную гримасу. Гло постоянно встречает идеальных парней с задатками чародеев. Я восхищаюсь ее непотопляемым оптимизмом, но полагаю, что ее критерии в выборе объекта для свиданий нуждаются в корректировке. Кстати, до сих пор никто из ее парней не имел ничего общего с магией и волшебством, а некоторые оказались просто страшными на вид.

– Сегодня вечером мы встречаемся, сходим куда-нибудь, выпьем, – поделилась Гло. – Я возлагаю на него большие надежды.

Клара сунула в печь противень с круасанами.

– Когда ты последний раз говорила такое, у парня оказался пирсинг в сорока трех местах, а на лбу – татуировка змеи.

– И все равно он был милым, – возразила Гло. – Я бы и до сих пор с ним встречалась, но он любил надевать мою одежду, причем иногда уходил так к себе домой и уже ее не возвращал. В принципе, я не возражала бы с ним делиться, но приличная девушка должна провести где-то границу дозволенного.

Гло застегнула на себе фирменный голубой халат пекарни Даззлов и отправилась к входной двери, где уже стояли трое посетителей. Через два часа в потоке покупателей наступило «окно», и Гло воспользовалась этим, чтобы разложить и упаковать заказы на вынос. Клара была занята тем, что драила рабочую зону, пока я выдавливала из трубочки глазурь на последнюю партию кексов. Задняя дверь по-прежнему была открыта, впуская в кухню солнечный свет и свежий воздух. Внезапно свет заслонила какая-то тень, и, подняв головы, мы увидели стоявшего в проеме Хэтчета.

– Дайте-ка угадаю, – сказала Клара. – Сэр Хэтчет.

– Не угадали, – возразил он. – Просто Хэтчет, на службе у своего хозяина и повелителя.

– Боюсь, что вы ошиблись адресом, – отрезала Клара. – Если хотите купить своему хозяину кексов, вам нужно зайти через парадный вход, с улицы.

– Моему повелителю не нужны такие приземленные и прозаические вещи, как ваши кексы, – сказал Хэтчет. Взгляд его остановился на только что вынутом из духовки противне с шоколадным печеньем. Губы его сами собой приоткрылись, а глаза остекленели. – Хотя на вид они действительно очень вкусные.

– Давай к делу, – сказала я Хэтчету. – Что надо?

Он встрепенулся и вышел из ступора.

– Ключ. Я скорее умру, чем разочарую своего хозяина.

– Ну, насчет «умру» мы могли бы устроить, – сказала Клара.

Хэтчет гневно взглянул на нее.

– Нечего надо мной насмехаться! Я получу этот ключ. И кексы эти тоже получу. – Он схватил с противня две штуки и сунул в рот. – А теперь ключ.

Гло пренебрежительно наморщила нос.

– Чувак, что ты там бормочешь с полным ртом? У тебя зубы слиплись от шоколада.

– *Ключ!* – рявкнул Хэтчет. – Я требую, чтобы ты отдала мне ключ!

– А у меня его нет, – доверительно сообщила я. – Он у Дизеля.

Он вытащил меч.

– Я возьму тебя заложницей. И обменяю на ключ.

– Эй! – вмешалась Клара. – Что с тобой? Чего это ты тут размахался своим мечом? Это все-таки пекарня. Имей какое-то уважение.

– Вот именно, а если будешь вести себя таким образом, я возьму свою метлу, и она задаст тебе хорошую трепку, – сказала Гло.

– Твоя метла – ничто против моего меча, – заявил Хэтчет. – Я отлично умею обращаться с мечом. И цель у меня смертельно проста.

– Я совершенно уверена, что моя метла может быть волшебной, – не уступала Гло.

Хэтчет немного помедлил.

– Насколько волшебной? – спросил он.

– Волшебной *по-настоящему*, – сказала Гло. – Насколько вообще может быть волшебной метла.

Хэтчет покосился на меня.

– Я временно отступлю, но еще вернусь. Я схвачу тебя, когда ты меньше всего будешь этого ожидать. И я призову все свои темные чары, чтобы противостоять твоей силе. Держись подальше, пока я буду уходить, а об этих кексах – забудь.

Он направил меч в нашу сторону, схватил противень с кексами, развернулся и выбежал из кухни. После чего его автомобиль неистово рванул с парковки, на прощание пронзительно взвизгнув шинами по асфальту.

– Ему лечиться надо, – вздохнув, сказала Клара.

Гло поставила поддон с выпечкой на плечо.

– По-моему, он довольно прикольный. Просто направлен немного не в то русло. Возможно, я могла бы найти заклинание, чтобы помочь ему. Нужно будет поискать сегодня вечером у Риппла.

Господи, теперь Гло собирается помочь Хэтчету, как будто он и без этого недостаточно сумасшедший тип!

– А что такого в этом ключе? – спросила Клара.

– Это ключ Лавея, – ответила Гло. – Помнишь, я все откладывала деньги, чтобы купить сборник сонетов, но меня кто-то опередил? Так вот, в комплекте с этой книжкой идет маленький ключик. Карл нашел его и отдал Лиззи. А тот мужик, который купил книжку, Джилберт Риди, уже мертв.

– О его гибели было в новостях вчера вечером, – вспомнила Клара. – Там сказали, что кто-то сломал ему шею и выбросил с балкона.

В час приехал Дизель. Он неспешно ввалился в кухню, обхватил меня рукой за шею и поцеловал в макушку.

– Что это было? – спросила я.

– Я тебя люблю.

– Ну и?

– Я голодный.

– Будешь обедать?

– Да, и это тоже.

– В холодильнике есть какие-то «уродливые» пироги с мясом. Колбаса, говядина в соусе карри и печеные овощи.

Если пироги или выпечку нельзя было назвать совершенными и замечательными, мы говорили, что они уродливые, и отдавали их персоналу. Дизель схватил такой уродливый пирог с сосиской и, остановившись у стойки, принялся жевать его прямо холодным.

– Я прочел еще далеко не все, – сказал он, – но парочка интересных вещей уже всплыла. Вскоре после того, как Риди приобрел книгу Лавея, он обратился на сайт знакомств. Там он выбрал четырех женщин, потому что почувствовал, что они ищут настоящей любви.

– Откуда ты об этом узнал?

– Я нашел их список в одной из его папок со всякой всячиной. Риди называл их Искательницами истинной любви или Искательницами ключа.

– Звучит очень рискованно.

Дизель принялся за второй пирог.

– Список этот был сделан от руки на обратной стороне статьи, написанной в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году, где выдвигалась гипотеза о том, что камни, олицетворявшие семь смертных грехов, первоначально были добродетельными. Чревоугодие представляло радость от всего окружающего. Носитель гордыни обладал энергичным духом трудолюбия…

– А вожделение? – спросила я.

– Предположительно камень Вожделения первоначально был камнем Истинной любви. Автор работы выдвигает теорию, что в определенный момент времени этот камень был искажен и стал греховным. К статье приложены рассуждения о возможности существования ключа, позволяющего найти этот камень.

– Ключ Лавея! – воскликнула Гло. – Держу пари, этот Риди искал свою истинную любовь. – Она приложила ладонь к сердцу. – Он такой романтичный!

– Да, а теперь он такой мертвый, – фыркнула Клара.

Через десять минут я, уже переодевшись, шла за Дизелем к его машине.

– Не понимаю, почему ты считаешь необходимым поговорить с этими четырьмя женщинами, – сказала я. – Не похоже, чтобы у Риди были с кем-то из них какие-то отношения. Каким образом это может помочь тебе найти камень?

– Это отправная точка, – сказал Дизель. – Я нашел домашние адреса и адреса мест работы их всех. Первой в списке идет Кассандра Мак-Гинти. Живет она в Линне, а работает официанткой в Салеме. Я позвонил в этот ресторан, и мне сказали, что она появится там не раньше четырех. Вот я и подумал, что мы пока выясним, дома ли она.

Линн находился на Северном берегу, к югу от Марблхеда. Это был уже совсем другой прибрежный город, со своей сомнительной историей, место проживания работяг. Кассандра Мак-Гинти жила в западном районе Линна в большом дощатом доме. Он был переделан в меблированные комнаты, а Кассандра жила здесь на третьем этаже.

Я запыхалась, пока поднималась по лестнице, и когда Дизель позвонил в дверь, встала у него за спиной. Открыла нам молодая женщина с громадной грудью и короткими, нездорового вида белыми волосами. Было ей чуть за двадцать, среднего роста, довольно стройная – если не считать могучего бюста. Одета она была в туфли на шпильках, джинсы в обтяжку и топ в тонкую полоску с километровой глубины декольте.

Дизель сходу оценил ее грудь и, улыбнувшись, остановил взгляд на уровне сосков.

– Я ищу Кассандру Мак-Гинти.

– Что ж, тогда вы ее уже нашли, – ответила девушка, в свою очередь испытующе оглядывая Дизеля с ног до головы.

Я хотела лягнуть Дизеля под коленку, чтобы узнать, смогу ли хотя бы таким образом сдвинуть его взгляд с места, но я уже проделывала такое вчера, и не хотелось бы, чтобы это вошло в привычку. Поэтому я просто обошла его и протянула ей руку.

– Я Лиззи Такер, – представилась я. – А этот истекающий слюной тупица – Дизель. Мы хотели бы поговорить с вами о Джилберте Риди.

– Так вы копы? – спросила она. – Я слышала, что Джилберт пытался взлететь со своего балкона и ничем хорошим это не закончилось.

– Вы с ним встречались? – спросила я.

– Мы с ним разок выпили вместе кофе, но и только. Не знаю, видели ли вы Риди прежде, чем он разбился в лепешку об асфальт, но горячим парнем его никак нельзя было назвать. – Она еще раз произвела полное сканирование фигуры Дизеля. – А я люблю именно горячих парней.

– Это как раз понятно. Жаль, что я не знала об этом раньше, а то прихватила бы с собой парочку, – вздохнула я. – А Дизель выглядит ничего, но только играет он в другой команде – надеюсь, вы понимаете, о чем я.

– Везет кому-то…

– Мы ищем одну книжку, сборник сонетов. Она пропала из квартиры Риди.

– Когда мы пили кофе, у него была с собой какая-то книжка, с виду действительно очень древняя. Он прочел мне оттуда какое-то корявое стихотворение. Что-то насчет небесного глаза.

– А больше вы ничего не помните из того стихотворения?

– Помню, что хотела, чтобы оно побыстрее закончилось. Джилберт Риди был еще тот занудливый козел.

– Он искал свою истинную любовь, – сообщила я лично для нее.

– Так и я тоже, – сказала Мак-Гинти. – Но я хотела другую, с большей поддержкой в штанах.

Поблагодарив Мак-Гинти за помощь, мы спустились по лестнице и снова уселись в джип Дизеля.

– Я вполне мог бы стать ее большой истинной любовью, если бы ты не испортила все своими выдумками, – возмутился Дизель. – Я отвечаю всем ее требованиям.

– Ты пялился на нее так, будто это халявная контрамарка на матч за Суперкубок. И при этом настолько раскатал губу, что я даже начала переживать, как бы ты ее не оттоптал.

Глава 5

Второй в списке была Гейл Данко. Жила она в небольшом, потрепанного вида бунгало в полумиле от Мак-Гинти. На дорожке перед домом стояла маленькая «Ниссан Сентра» черного цвета. Кузов местами проржавел, и на нем было заметно несколько приличного размера вмятин. На крыше серый кот балдел в лучах послеобеденного солнца.

– Данко работает медсестрой, но сейчас сама на больничном, – пояснил Дизель. – Разведена. Детей нет.

Он постучал. Дверь открылась, и на пороге появилась невысокая полная дама с пушистой белой кошкой подмышкой, которая подозрительно воззрилась на нас. Одна нога у дамы была в гипсе.

– Что надо?

– Я ищу Гейл Данко, – сказал Дизель.

На какое-то мгновение, пока женщина оглядывала Дизеля, глаза ее остекленели.

– Ммм… – ответила она.

Дизель приветливо улыбнулся.

– А почему ваша кошечка в штанишках?

– Она у нас национальная чемпионка, а сейчас у нее течка. Мы собираемся завтра устроить ей случку.

Внезапно кот на крыше машины издал громкий призывный вой, и национальная чемпионка, вырвавшись из рук Данко, со всех ног бросилась на улицу.

– Мисс Снежинка! – завопила Данко. – Помогите! Ловите ее! Она не имеет права забеременеть от какого-то уличного кота!

Но Снежинка мчалась со всей скоростью, какую позволял развить кошачий подгузник, и уже скрылась из виду.

Серый кот все это время следовал за ней в непосредственной близости от хвоста. Гейл Данко тяжело шагнула на свое маленькое крыльцо, опираясь на единственный костыль, но было ясно, что с загипсованной ногой национальную чемпионку ей не поймать.

– Не волнуйтесь, – сказала я. – Дизель выследит вашу Снежинку. В этом он специалист, у него есть особые способности к выслеживанию.

– Кошек я выслеживать не умею, – возразил Дизель.

– Разумеется, умеешь, – заверила я его. – У тебя же развита чувствительность к такой энергии. Поэтому ты и занимаешься тем, что охотишься за преступниками.

– Я могу находить *людей.*

– Откуда эта уверенность, что котов ты найти не можешь? Ты хоть раз пробовал их выследить?

– Нет, – признался Дизель, – но эту мисс Как-бишь-там-ее найти будет нетрудно. Исходя из моего собственного мужского опыта, они, вероятно, находятся прямо за углом, в ближайших кустах, и занимаются тем, что вместе пытаются снять с нее штаны.

Он скрылся за домом, а мы с Данко остались его ждать.

– Что случилось с вашей ногой? – спросила я.

– Бурсит, шишка на наружной стороне большого пальца, сделали операцию, – ответила она. – Я две недели просидела с подвешенной ногой, ничего не делая – только ела. До операции я еще как-то боролась со своим избыточным весом, а теперь совсем *толстая*. Но этих неприятностей мало: теперь еще и Снежинка забеременеет от какого-то приблудного кота с помойки.

Из-за дома раздался душераздирающий вой и отчаянные крики. Данко покачнулась и схватилась рукой за сердце.

– Моя деточка!

– Ну, может быть, все еще не так плохо, – сказала я. – Может, она как-то вывернется. Я имею в виду, всем нам в жизни приходилось разок-другой выкручиваться в такой ситуации, верно?

Через мгновение из-за угла показался Дизель с мисс Снежинкой на руках. Подгузник ее был изрядно потрепан, но оставался на месте. Шерсть у нее стояла дыбом, а глаза от возмущения едва не вылезали из орбит.

– А что там были за вопли? – спросила я у Дизеля.

– Принцессе не понравилась техника прелюдии в исполнении этого отчаянного парня. – Он передал Снежинку в руки Данко. – Надеюсь, кот, который придет к вам завтра, будет лучше знать, что делает.

– Мы хотели расспросить вас о Джилберте Риди, – сказала я женщине. – По-моему, вы с ним встречались.

– Мы встретились, чтобы выпить кофе, но через пять минут у него началась одышка. Оказалось, что у него аллергия на кошек.

– А Риди успел сказать что-нибудь любопытное за эти пять минут? – спросила я. – Он упоминал о ключе?

– Нет. В своей анкете он писал, что обладает ключом, позволяющим найти истинную любовь, но это все. Сложно рассуждать о каких-то ключах и истинной любви во время приступа астмы.

Дизель вернулся в Салем и припарковался на стоянке перед публичной библиотекой.

– Третья в нашем списке Шэрон Гордон. Библиотекарша. Тридцать шесть лет. Живет с матерью. На ее страничке в Фейсбуке сказано, что она любит Нору Робертс, сморсы и пингвинов.

– Ну, женщине, которая любит сморсы, определенно можно доверять, – заметила я. – Хотя это довольно липкий аргумент.

– Это я просто так сказал, для общей информации.

Мы вошли в здание и вскоре нашли Гордон, раскладывавшую книги по полкам в отделе детской литературы. Она была высокой и стройной, каштановые волосы зачесаны назад и прихвачены заколкой на затылке. Одета она была в бледно-розовый вязаный топ, желтовато-коричневые слаксы и сандалии.

Обернувшись и увидев Дизеля, Шэрон тихонько охнула.

– Простите, – извиняющимся тоном сказала она. – Я привыкла видеть в этом зале посетителей маленького роста.

– Мы бы хотели поговорить с вами о Джилберте Риди, – сказал Дизель.

– Вы из полиции?

Дизель взял с ее тележки книгу с картинками грузовиков и принялся задумчиво ее перелистывать.

– Вопрос, конечно, интересный…

Шэрон толкнула тележку вперед и поставила на полку следующую книгу.

– Я познакомилась с Джилбертом через сайт знакомств. Он сказал, что ищет истинную любовь.

– Ну и?

Она пожала плечами.

– Мы пару раз выходили в город… Казалось, я ему нравлюсь, а потом появилась та женщина по имени Анна… Он сразу повел себя как-то странно и бросил меня.

– А фамилию ее вы случайно не знаете?

– Нет. Я о ней вообще ничего не знаю. – Она поставила на полку еще одну книгу. – Впрочем, одно могу вам сказать: Джилберт Риди был очень своеобразным человеком. Он был специалистом по английской литературе елизаветинского периода и помешан на малоизвестном поэте девятнадцатого столетия. У Риди была маленькая книжечка сонетов, которую он знал наизусть и мог цитировать с любого места. Он был убежден, что в ней содержится ключ к истинной любви, словно сборник этот наделен какой-то мистической силой. А на прошлой неделе он вдруг позвонил и сказал, что больше во мне не нуждается. Причем он именно так и выразился. *Он во мне больше не нуждается*. Вы можете себе такое представить? И как я должна была все это понимать? А он все бубнил про эту Анну. И про триумф над силами зла. И что он должен был раньше догадаться.

– О чем он должен был догадаться раньше?

– Он этого не сказал. Он разглагольствовал очень напыщенно и нес всякую бессмыслицу. Если бы это был кто-то другой, я решила бы, что он под кайфом, но Джилберт Риди понятия не имел, где в принципе можно хотя бы *достать* наркотики. Он был ученым до мозга костей. И иногда мне почти казалось, что встречается он со мной ради какого-то научного эксперимента.

– Он носил эту книжку сонетов с собой? – спросил Дизель. – Вы ее видели?

– Видела. Книжка действительно замечательная. Сонеты в ней написал человек по имени Лавей, обложка кожаная, с ручным тиснением в виде ветки цветущего миндаля. Это напомнило мне картину Ван Гога. Я провела для себя небольшое расследование и выяснила, что Лавей и Ван Гог были современниками, так что, в принципе, возможно, что Лавей скопировал картину Ван Гога для оформления своей книги. А может быть, это просто совпадение. Цветок миндаля издавна считался символом надежды. Книжка внешне напоминает ежедневник, и к ней имеется маленький ключик, однако его Джилберт мне не показывал. Он сказал, что это последний фрагмент пазла и он хранит его в каком-то *безопасном месте.*

– А что он имел в виду, когда говорил про последний фрагмент пазла? – спросила я.

– Не знаю, – ответила Гордон. – Он часто делал заявления вроде этого и тут же перескакивал на что-то другое. Оглядываясь назад, я вообще не понимаю, почему продолжала с ним куда-то ходить. Он был немного того, в смысле чокнутый.

– Он читал вам стихи и искал истинной любви, – заметила я.

Гордон улыбнулась и кивнула.

– Да. Он был чокнутый *романтик.*

– А у вас нет никаких соображений насчет того, кто мог бы что-то знать об этом ключе и этом пазле? – снова спросила я. – Были у него близкие друзья или родственники, с кем он мог бы обсуждать такие вещи?

– Не думаю, что у него могли быть друзья, а родственников он никогда не упоминал. Зато он часто вспоминал свою студентку с выпускного курса, Джулию. Она писала у него диплом. Он считал ее очень умной. Вот ей он мог довериться. Ну и Анне, конечно.

Выйдя из библиотеки, мы снова сели в джип.

– Ты сказал, что на сайте знакомств Риди выбрал четырех женщин, – сказала я Дизелю. – Эта Анна – она и есть четвертая?

– Нет. Четвертая в списке – Деирдре Ээрли. У меня есть ее адрес, это в Бостоне.

Я посмотрела на часы.

– Уже почти четыре. Ты собираешься продолжать?

– Да. Я хотел бы еще покрутиться в Гарварде и попробовать найти дипломницу Риди. А по дороге домой можем попытаться поймать Ээрли.

Дизель набрал телефонный номер и попросил кого-то помочь ему связаться с этой студенткой.

– Я буду в Кембридже через час, – сказал он. – Попробуй организовать мне встречу с ней. И еще я хотел бы посмотреть кабинет Риди.

– Это был твой помощник? – спросила я, когда он закончил разговор.

– Более или менее.

За то непродолжительное время, сколько я знаю Дизеля, он сменил шестерых помощников. Я уже бросила попытки запомнить их имена. Лиц у них не было, одни только голоса, звучавшие по громкой связи из телефона в машине Дизеля – чудеса дивной системы «блютус».

Мы выехали на магистраль 1А до Бостона. Вначале пейзаж за окном был интересным, но затем стал отвратительным: довольно ухабистые хайвеи и сумасшедшие озлобленные водители, бешено несущиеся по перекресткам с кольцевым движением, попадавшимся на каждом шагу.

Мы покинули пригород Бостона Северный берег и, выехав на Сторроу-драйв, покатили через город вдоль речки Чарльз. По левой стороне улицы теснились тыльными сторонами четырехэтажные строения из красного кирпича, за которыми высились многоквартирные дома и высотные офисные здания. Я знала, что через пару кварталов от Сторроу находятся засаженные деревьями улицы с богатыми особняками, за которыми расположены две улицы дорогих магазинов и бутиков, Ньюбери и Бойлстон. Одним концом Ньюбери упиралась в городской сад, другим – в большой крытый торговый центр. А если пройти достаточно далеко в южном направлении, то выйдешь к парку Фенуей – месту базирования «Красных носков».

Вдоль Сторроу со стороны реки тянулась узкая полоска травы и велосипедная дорожка, на которой крутили педали немногочисленные велосипедисты. Другие отчаянные парни плавали по реке на небольших парусных лодочках. Мы проехали мимо пустой сцены для музыкантов в форме раковины и нескольких кабинок биотуалетов, оставшихся после прошлого уик-энда.

Дизель проехал Сторроу до самого конца и свернул на мост через реку Чарльз к Кембриджу. Теперь я оказалась на незнакомой территории. С момента своего переезда в Марблхед я много раз бывала в деловой части Бостона, но на другой берег реки в сторону Кембриджа никогда не перебиралась.

– Ты выглядишь так, будто знаешь, куда едешь, – заметила я.

– Я уже бывал здесь пару лет назад, искал кое-кого.

– Нашел?

– Да.

– Ну и?

Дизель остановился на светофоре.

– Все это очень непросто.

– Но ты же не убил его?

– Я людей не убиваю.

– А что тогда? В жабу превратил?

Дизель внимательно посмотрел на меня и улыбнулся.

Я не очень-то поняла, что должна означать эта улыбка – впрочем, я вовсе не была уверена, что хочу услышать честный ответ на свой вопрос, – поэтому просто отвернулась и начала разглядывать в окно проплывавшие мимо дома и тротуары, заполненные толпами студентов.

– Мы сейчас проезжаем Гарвард? – спросила я.

– Нет, – ответил Дизель. – Это был Массачусетский технологический институт. До Гарварда еще пара миль по Массачусетс-авеню.

Движение на всех четырех полосах Масс-авеню было напряженное, но машины все-таки кое-как двигались, не стояли. По бокам улицы высотные офисные здания располагались вперемежку с жилыми домами, плюс попадались магазины недорогой мебели, мотоциклов, автомобилей, книг, а также этнические рестораны, булочные, церкви и гостиницы.

Внезапно ожил телефон Дизеля, и женский голос сообщил:

– Джулия Бродски будет ждать вас в главном фойе Центра Баркера на Квинси-стрит, 12. Следуйте по Масс-авеню до Гарвард-ярд, проехав гостиницу, берите правее. Нужное здание находится на углу Куинси и Гарвард-стрит. Я сказала ей, что вы Дэниел Краули, кузен Риди из Чикаго.

– Хорошо, – сказал Дизель. – Спасибо, – добавил он и повесил трубку.

– А где живет твоя помощница? – спросила я.

– Не знаю.

– А эту ты хотя бы видел?

– Нет.

– У тебя сменилось уже много помощников.

– Мне говорили.

– А почему, как ты думаешь? – спросила я.

– Ходят слухи, что я у них считаюсь кадром с высокими эксплуатационными расходами, работающим за невысокое вознаграждение.

– Могу себе представить.

– А все дело в том, что когда я кое-кого выслеживаю в пустыне Тар в Индии, заболеваю дизентерией, а мой верблюд убегает, то рассчитываю, что нового верблюда мне пришлют *быстро*.

– Резонное требование, как мне представляется. И часто с тобой такое случается?

– Да чаще, чем я в состоянии запомнить.

Глава 6

Дизель проехал гостиницу, свернул направо и принялся колесить, пока не нашел уличную парковку. Тротуары и здания здесь были из красного кирпича, повсюду виднелось много заросших травой лужаек, и у меня сложилось впечатление, что я попала в зеленый провинциальный городок посреди большого мегаполиса. День был солнечный, но прохладный. Люди были одеты в куртки и свитера, с длинными вязаными шарфами на шеях.

Мы вошли во внутренний двор Центра Баркера со стороны Куинси-стрит и без проблем разыскали дипломницу Риди. На ней были джинсы и балахонистый непритязательного вида свитер. К груди она прижимала «Историю английской поэзии шестнадцатого века». Темные сильно вьющиеся волосы были собраны в конский хвост, который больше напоминал большой одуванчик. Макияж отсутствовал. Большие круглые очки в красной оправе. Рост пять футов два дюйма. По первому впечатлению ей можно было дать лет двенадцать, но при ближайшем рассмотрении вокруг глаз обнаруживались едва заметные смешливые морщинки.

Дизель представился Дэниелом Краули, и на глазах Джулии показались слезы.

– Я очень сочувствую вашей потере, – сказала она. – Доктор Риди был замечательным человеком.

– Я надеялся, что мне удастся заглянуть в его кабинет, – сказал Дизель. – Несколько лет назад я дал Джилберту книгу, с которой связаны некие сентиментальные воспоминания. Я бы хотел ее вернуть, но в его квартире книги не оказалось.

– Разумеется, я могу проводить вас в его кабинет. Полицейские уже побывали там, но ничего не взяли. Просто осмотрелись, дружно закатили глаза и ушли. Мы ожидали родственников, чтобы передать им его личные вещи, но пока что объявились только вы.

Мы поднялись на один пролет лестницы, прошли по коридору и остановились в дверях кабинета Риди. Сразу стало понятно, почему полицейские только закатили глаза и сразу ушли. Комната была забита всевозможным разнокалиберным барахлом, заполнявшим жизнь профессора. Полки ломились от книг, которые, кроме того, встречались здесь на каждом шагу и буквально повсюду. По укромным уголкам и любому свободному пространству были растыканы какие-то артефакты, а на полу и письменном столе лежали раскатанные большие карты.

– Вау! – вырвалось у меня. – Сколько тут всякой всячины! А дома у него все так опрятно и аккуратно. Как будто кабинет и квартира принадлежат двум разным людям.

– В своей квартире доктор Риди спал, но жил он здесь, – сказала Джулия. – К тому же мне точно известно, что бывали дни, когда он зарабатывался допоздна и оставался ночевать в своем кабинете. Под всеми этими книгами и разложенными гобеленами закопан диван. Он был специалистом по литературе елизаветинского периода, но истинной его страстью был забытый поэт конца девятнадцатого века Джон Лавей. Примерно лет десять назад доктор Риди случайно натолкнулся на сонеты Лавея, и они произвели на него глубочайшее впечатление. Думаю, в глубине души доктор Риди был настоящим романтиком.

– А вы читали эти сонеты? – спросила я.

– Да, но должна признаться, что, в отличие от профессора Риди, меня они особо не поразили. – Она подошла к письменному столу и порылась в каких-то бумагах. – Он написал научный доклад о жизни и творчестве Лавея. Я знаю, что где-то здесь должна быть его распечатка. Это очень интересно. Похоже, что в то время Лавей считался утопическим философом. Вроде как Айн Рэнд[8]. У него была небольшая, но преданная группа приверженцев.

[8] Айн Рэнд (англ. *Ayn Rand*; урожденная Алиса Зиновьевна Розенбаум; 20 января (2 февраля) 1905, Санкт-Петербург – 6 марта 1982, Нью-Йорк) – американская писательница и философ, создатель философского направления объективизма.

Все они были одержимы идеей поиска истинной любви. – Она перешла к следующей кипе бумаг и принялась рыться уже в ней. – Самым пылким последователем Лавея был человек по имени Эбнер Гудфэллоу[9]. Жил он в Ганновере, штат Нью-Гэмпшир, и его дом до сих пор принадлежит семье. Доктор Риди навещал пра-пра-пра-правнучку Эбнера, и она позволила ему обследовать их чердак, который до самых стропил был завален всевозможными старинными сокровищами. По крайней мере, доктор Риди называл это сокровищами, хотя лично я подозреваю, что речь шла об обычном хламе, который за долгие годы накапливается в гаражах и на чердаках. – Она выдернула из кипы бумаг несколько листков и победно помахала ими. – Нашла!

Дизель взял листки у нее из рук.

– Можно мне это забрать?

– Конечно. – Она оглядела комнату. – Доктор Риди в последние месяцы был настолько поглощен работой, что, боюсь, его кабинет за это время стал более захламленным, чем обычно. Может быть, я смогу помочь вам найти эту книжку? Как она выглядела?

– Это был подписанный экземпляр «Ветра в ивах», – сказал Дизель. – Джилберту нравился мистер Тоуд.

– Не помню, чтобы она попадалась мне на глаза, – сказала Джулия, – но давайте сделаем так: я обследую эту часть комнаты, а вы поищите в книжном шкафу.

Я подошла к письменному столу и систематично прошлась по всем выдвижным ящикам. Верхний справа был заперт, ключа нигде видно не было, так что я призвала Дизеля, чтобы он применил свой магический дар. Он быстро открыл ящик, и мы уставились на книгу в кожаном переплете – подозреваю, она могла быть очень похожа на тот самый сборник сонетов. Ручное тиснение и небольшая застежка с замком. Но в этом случае на обложке были изображены замысловатые буквы «Э» и «Г».

– Это дневник Эбнера, – сказала Джулия, заглядывая в ящик через стол. – Доктор Риди наткнулся на него на чердаке дома Гудфэллоу. Помимо всего прочего, здесь описываются последние дни жизни Лавея, а также подробности того, что Лавей сказал Эбнеру Гудфэллоу за несколько мгновений до смерти. Доктор Риди воспринял это как благую весть, но, как по мне, это звучит так, будто очень больной старый человек возвращается к любимой сказке из своего детства. – Джулия еще раз быстро оглядела комнату. – Не думаю, что вы сможете найти здесь свою книгу. Возможно, вы захотите взять вместо нее этот дневник. Он был одной из самых дорогих для доктора Риди вещей. Думаю, где-то в ящике должен лежать и маленький ключик от этой книги.

– Я с радостью возьму его, – сказал Дизель, забирая дневник вместе с ключом. – Это великодушный жест с вашей стороны. И я очень благодарен вам за помощь.

– Возможно, вам удастся связаться с другими его родственниками и вы сообщите им, что тут имеется еще много замечательных вещей.

– Разумеется, – сказал Дизель. – И еще раз большое вам спасибо.

Деирдре Ээрли жила на Коммонуэлс-авеню в районе Бек-Бей. От Гарварда это было недалеко, но в час пик из-за пробок и пожара автомобиля на мосту Гарри Гудини у нас на этот путь ушло больше часа. К счастью, к моменту, когда мы подъезжали к мосту, несчастная машина уже успела почти полностью сгореть, и движение вновь возобновилось. Дизель разок объехал квартал Ээрли в поисках места для парковки. Когда он проезжал мимо ее дома по второму кругу, одна из машин уехала, и он тут же занял освободившееся место.

---

[9] Гудфэллоу (*Goodfallow*) – добрый малый (*англ.*).

– Каким это образом тебе всегда удается найти, где припарковаться? – спросила я, втайне боясь, что для этого нужно, чтобы ничего не подозревающий автомобиль был унесен невидимым лучом в космос какими-то инопланетными сущностями.

– Позитивное мышление, – ответил Дизель. – Плюс я исключительно удачлив… обычно.

– Обычно?

– Было одно исключение, случайный срыв.

Узкий трехэтажный дом ленточной застройки, в котором жила Ээрли, имел собственный крошечный внутренний дворик, летом, вероятно, выглядевший очаровательно, но в данный момент он представлял собой спутанный клубок засохших виноградных лоз и увядших кустарников. Фасад был выложен темно-серым камнем. На крыше – серый шифер. На окнах глухие шторы, через которые не пробивался свет. Дверь и деревянная окантовка были черными.

– Ни фига себе! – сказала я, оглядывая дом.

– Угрюмовато, – согласился Дизель.

Подойдя к двери, мы позвонили. Открыла нам женщина, красивая, как кинозвезда, с короткой стрижкой блестящих волос, черных, как крыло ворона. У нее были такие же черные ресницы и ярко-красная помада на губах. Роста она была моего, но выглядела гораздо более роскошно в длинной рубашке черного шелка, узкой прямой юбке в обтяжку и на высоченных шпильках.

– Деирдре Ээрли? – спросил Дизель.

– Да, – ответила она. – А вы кто?

– Я Дизель.

Губы растянулись в слабой улыбке, не дошедшей до ее глаз.

– Это интересно, – сказала она.

Дизель на улыбку не ответил.

– Я бы хотел поговорить с вами о Джилберте Риди.

– Бедняга, – сказала она. – Проходите в дом.

Мы вошли в прихожую и остановились. С того места, где я стояла, мне были видны столовая и гостиная. Все очень респектабельно. Восточные ковры. Обивка мебели выдержана в бордовых и золотых тонах. Темное дерево. Над столом хрустальная люстра.

– Насколько я знаю, вы с ним встречались.

Она скрестила руки на груди.

– Очень недолго. Он ведь умер, вы знаете.

– У вас очаровательный дом, – сказала я.

Она быстро взглянула на меня.

– Спасибо. Не думаю, что мы с вами знакомы.

– Лиззи Такер.

Какое-то мгновение она изучала меня, а затем снова переключилась на Дизеля.

– Ваш ход, – сказала она ему.

– Вы с ним искали истинную любовь? – спросил Дизель.

– Конечно. Разве это не является целью каждого из нас? Вы, например, желаете истинной любви?

– Но не прямо сейчас, – сказал Дизель.

Она взглянула на него из-под ресниц.

– А жаль.

– А как насчет поэтов девятнадцатого века? – спросил Дизель. – Вы их любите?

– Страстно. А вы?

– Не в такой степени.

– Хм… Мне казалось, что у нас с вами больше общего, – заметила Ээрли. – А теперь прошу меня извинить, я приглашена на ужин.

Уехав из Бек-Бея, мы молчали, пока не оказались на автостраде 1А на пути домой.

– Странно это, – сказала я Дизелю. – Дом красивый внутри, но какой-то гнетущий. К тому же у меня ощущение, что вы с ней знаете друг друга.

– Мы с ней никогда не встречались, но, возможно, она обо мне слышала. А сильная негативная энергия, которую ты почувствовала, исходила от нее. Она накатывала волнами. Если бы я задержался там подольше, у меня пошла бы кровь из ушей.

– Господи! Что, правда кровь из ушей?

Дизель довольно ухмыльнулся.

– Нет. Это я преувеличиваю.

– Деирдре Ээрли – ненормальная женщина.

– Причем ни капельки не нормальная, – сказал Дизель.

– Полагаю, что мы с тобой тоже ненормальные.

– Нормальными людьми являются только те, кого ты знаешь не очень хорошо.

– Это цитата кого-то из известных личностей, – сообщила я ему.

– Похоже на то. Думаю, это либо Энди Гриффит, либо Йода.

Глава 7

Дизель довез меня до моей машины, и я прямиком отправилась домой. Там я поджарила себе на ужин сыр, убрала в кухне и забросила в стиральную машинку кое-что из вещей. Потом пощелкала переключателем каналов телевизора, но в конце концов бросила это дело. Дизель у себя дома читал дневник Гудфэллоу, и я вдруг поняла, что, как бы мне ни хотелось устроить себе спокойный разгрузочный вечер, ничего из этого не выйдет. Я не могла отделаться от мыслей о Джилберте Риди, Деирдре Ээрли, Лавее и камне Вожделения. Все это перемешалось у меня в голове и прокручивалось снова и снова. Я позвонила Гло и спросила, до которого часа работает «Магазин старинной экзотики».

– Обычно до девяти, – ответила Гло. – В октябре иногда и дольше, из-за Хеллоуина. Если хочешь что-то купить, я могла бы пойти с тобой.

– Но у тебя же свидание сегодня вечером, разве не так?

– Нет. Он перезвонил и сказал, что его задержала полиция, а у меня не так много денег, чтобы его выручать. Я больше никогда ни за кого не буду вносить залог на первом свидании. На эти грабли я уже наступала.

Через полчаса Гло со своей метлой уже сидела у меня в машине и мы с ней ехали в магазин.

– Все это по-своему здорово, – сказала Гло. – Я хотела заполучить эти сонеты, потому что они пылкие, но все оказалось еще лучше. Они вроде как волшебные и мистические. И я полностью прониклась идеей спасения человечества от пропадания в преисподней. Я имею в виду, что одно дело бороться за охрану окружающей среды и все такое, но спасать человечество от Сатаны – это *грандиозно!*

«Магазин старинной экзотики» был расположен в двух кварталах от булочной Даззла. Его название было написано золотыми буквами над древней деревянной дверью. Висевшая на витрине табличка «ОТКРЫТО» приглашала посетителей зайти внутрь. Магазин этот в основном работал на туристов, но покупки здесь делали также те, кто верил в оккультные практики, и всякие любители старины. Маленький магазинчик от пола до потолка был забит бог знает чем. Горшки и банки, снабженные наклейками, были рассчитаны на самообслуживание. Здесь было все, что угодно: свиные уши, слизь тролля, сушеный язык дракона, клювы ушастой совы, конфеты «Мишка Гамми», стручки молочая, воловьи хвосты, кошерная соль, ирландская «волшебная пыль», засахаренные земляные черви, головы дохлых жуков, половые железы белых бельгийских кроликов и многое-многое другое.

Владельцем и управляющим «Магазина старинной экзотики» была Нина Уортли. Чуть за пятьдесят. Длинные вьющиеся волосы, белые, как снег. Лицо ее выглядело так, будто было присыпано мукой, а все пальцы увешаны самыми разнообразными кольцами. Нина любила носить длинные, до пола плащи с капюшоном из темно-синего шелка, а также воздушные белые платья – залежалый товар, который она покупала в расположенном по соседству магазине одежды. В качестве аксессуаров к такому фантастическому ансамблю использовались практичные шерстяные носки и сабо на высокой пробковой платформе.

Увидев Гло, Нина заулыбалась.

– Я как раз о тебе подумала. Только что получила порошок из оранжевой пятнистой жабы. По-моему, щепотка его требуется для рецепта Риппла против неконтролируемого лая на заколдованные объекты.

– Спасибо, – сказала Гло, – но никаких проблем с лаем у нас нет.

Нина покосилась на метлу Гло.

– А экстракт удовлетворенной коровы приподнял ей настроение?

– Ну, может быть, немножко.

– В общем, если она начнет лаять, знай, что у меня есть эта штука.

Постояв каких-то пять минут рядом с Гло и Ниной, я уже и сама готова была залаять. Мало того что мне приходилось иметь дело с Дизелем и всеми этими *сверхъестественными способностями,* так теперь еще Гло с Ниной вызывали во мне протест и недоверие на совершенно другом уровне.

– Я хотела поговорить с вами о сборнике сонетов Лавея, – сказала я, обращаясь к Нине.

– Мы хотим знать о нем все, – добавила Гло. – Мы проводим расследование и, возможно, этим спасаем человечество от Армагеддона.

– Это было бы замечательно! – воскликнула Нина. – Дайте знать, если понадобится моя помощь. Есть парочка заклятий, которые я приберегала для особого случая… вроде дня Страшного суда.

– Джилберт Риди был среди ваших постоянных покупателей? – спросила я.

– Нет. Он просто проходил мимо и увидел на витрине эту книгу. Она привела его в возбуждение. Он знал ее историю и сказал, что она прекрасно довершит его коллекцию.

– А кто еще интересовался этой книгой?

– Один вампир. Он был сверхъестественно красив. Длинные, до плеч, черные как смоль волосы и мертвенно-бледная кожа. Он приходил в тот же день, когда был убит профессор. Он хотел знать, был ли вместе с книгой продан и ключ к ней. А на следующий день приходила еще одна женщина и задала тот же самый вопрос.

– Вы знаете, как зовут эту женщину?

– Нет. Она встретила меня перед входом, ждала, когда я открою магазин. Все ходила туда-сюда и курила. Прическа ее выглядела так, будто она причесывается пальцами.

– Короткие черные волосы? – спросила я.

– Да.

– Где-то моего возраста?

– Может, чуть постарше.

– Красивая?

– До непристойности. Она практически накричала на меня, заявила, что я опоздала на десять минут. А потом начала *требовать*, чтобы я рассказала ей, где находится маленький ключик. Можете вообразить такую наглость?

– И вы ей сказали?

– Я сказала ей, что он был продан вместе с книгой. А потом я предложила ей вафли «Зузу», потому что она была очень голодна и я подумала, что это должно ее смягчить. Вафли эти такие нежные и пахнут восхитительно. Корицей и розами. Они делаются из тонко раскатанного песочного теста и пропитываются эссенцией из размятых ягод Зузу.

– И такое печенье делает человека счастливым? – спросила Гло.

– Да нет же, – ответила Нина. – Оно вызывает у него понос. Эти ягоды на самом деле жуткая дрянь.

– А еще кто-нибудь спрашивал о книге и ключе от нее? – не унималась я.

– Пока что нет.

– Есть у вас еще какие-нибудь книги Лавея?

– Нет. Была всего одна. Я даже толком не помню, когда ее приобрела. Она пылилась на одной из верхних полок, я случайно натолкнулась на нее там, и мне понравился кожаный тисненый переплет. Я выставила книгу на витрину и кое-что о ней подразузнала.

– Держу пари, что для этого вы воспользовались «Большой книгой по наложению заклятий» Райана, – вставила Гло.

Нина подровняла на полке ряд стеклянных банок с какими-то маринованными глазами.

– Собственно говоря, я просто прогуглила этот вопрос. Ну, знаете, через Интернет. Там оказалось совсем немного… Только то, что, как говорят, эти сонеты вызывают вожде-

ление и что еще какую-то женщину из-за них обвинили в колдовстве. Впрочем, не думаю, что ее осудили.

Мы с Гло оставили Нину и зашли в ближайший паб. Там взяли себе по чизбургеру и по пиву. Метла, похоже, ничего не хотела.

– Она никогда не ест, когда на нее смотрят люди, – пояснила Гло.

– Это же метла, – сказала я. – Метлы вообще не едят.

– Верно, но я абсолютно уверена, что это заколдованная метла. И к тому же иногда, когда я просыпаюсь по утрам, оказывается, что исчезает кое-какая еда. Однажды это была половина бублика на моей кухонной стойке, и я точно знаю, что сама его не ела.

Я взглянула на метлу, небрежно прислонившуюся в углу за нашей кабинкой, и мне показалось, что она немного подергивается. Возможно, она посмеивалась над нами.

– Жалко, что с твоим сегодняшним свиданием так вышло, – посочувствовала я Гло. – А за что его арестовали?

– Да как обычно. Пульнул кому-то в голову из гвоздезабивного пистолета. Честно говоря, хочу завязать ходить куда-то с плотниками. Надоело это все уже, ей-богу.

Домой я попала уже в начале одиннадцатого. Кот ждал меня. Я закрыла дверь, заперла ее на замок и наклонилась, чтобы почесать ему за ухом. Потом мы прошли в кухню, где я дала Коту тыквенного маффина и немного молока и подождала, пока он все съест.

– У меня сегодня был еще один странный день, – начала рассказывать я. – Дизель считает, что охота идет за одним из камней САЛИГИА, и похоже, что кое-кого из-за этого даже убили. Как думаешь?

Кот посмотрел на меня и медленно моргнул.

– Да. Я такого же мнения, – сказала я.

Я выключила свет, и мы с Котом побрели наверх в мою спальню. Стены здесь были бледно-зеленые, а на окнах висели белые воздушные занавески. Свою кровать я купила в магазине секонд-хэнд, и это было как раз то, что я всегда хотела. Она металлическая и очень большая, а кованые спинки в изголовье и в ногах свиты в замысловатом изысканном узоре. Рядом с кроватью стоит столик, на нем лампа, у противоположной стены небольшой комод с выдвижными ящиками. Телевизора здесь нет. Только блокнот с ручкой на столике и книга.

Я взбила подушки и забралась под одеяло – под своего единственного и неизменного синтетического утешителя. Кот, свернувшись калачиком, улегся у меня в ногах.

– Хорошая жизнь, – сказала я ему.

Кот даже не взглянул на меня. Он и сам знал, что такая жизнь хороша. Возможно, он подумал, что она могла бы быть еще лучше, если бы его не кастрировали, но с этим я уже мало что могла поделать. Я собиралась прочесть несколько страниц, но необходимости в таком дополнительном снотворном не было. День был длинный, желудок заполнен чизбургером, и я устала.

У меня никогда не возникало проблем с засыпанием, и я редко просыпаюсь среди ночи. Каждое утро глаза мои автоматически открываются в 4:10 утра, то есть за пять минут до того, как сработает будильник. Поэтому было странно проснуться в темной спальне и увидеть, что цифровое табло на радиобудильнике показывает 2:00. Я лежала совершенно неподвижно, еле дыша, и прислушивалась, понимая, что проснулась не просто так – что-то меня разбудило. Когда глаза мои привыкли к темноте, я увидела, что Кот напряженно сжался посреди кровати, хвост у него напоминал ершик для мытья бутылок, а все внимание было приковано к какой-то тени в дальнем конце комнаты. Приглядевшись, я рассмотрела контур человека, и сердце у меня оборвалось.

Это был Вульф. Он стоял недвижимо, словно статуя, и молча наблюдал за мной.

– Как долго ты уже здесь? – спросила я шепотом.

– Да не очень.

– И что ты хочешь?

– Хочу согласия. Я хочу, чтобы ты перестала помогать моему глупому кузену. Без тебя он будет вынужден сдаться и заняться чем-нибудь другим.

– Сомневаюсь, чтобы он так поступил.

– У него не будет выбора. Он будет ни на что не способен.

– А почему ты хочешь, чтобы он отступил?

– У меня на то свои причины. А кое-что из моих мотивов лежит просто на поверхности. Мне необходимо оберегать камень Вожделения, а он делает эту задачу более сложной, чем она могла бы быть.

– Я подумаю над этим, – сказала я.

На самом деле я была готова пообещать *что угодно*, лишь бы только он убрался из моей спальни.

– Ты совершенно не представляешь себе, насколько опасна эта охота, – сказал Вульф. – Это не игра. Если ты будешь продолжать в том же духе, последствия будут ужасными.

Последовала вспышка света, Кот глухо зарычал, а когда дым рассеялся, Вульфа уже не было. Я не поняла, как он ушел. Шагов по лестнице не было, дверь внизу не открывалась и не захлопывалась. Только на улице под моим окном вдруг взревел мотор дорогого автомобиля.

– Ни фига себе! – сказала я Коту.

Я включила лампу возле кровати и подумала, что хорошо было бы позвонить Дизелю. Это бы меня успокоило, но толку от этого было мало. Вульф ушел. Пока что, по крайней мере. Я встала и, включив в доме весь возможный свет, проверила обе двери, чтобы убедиться, что они заперты. Потом взяла несколько головок чеснока и большой кухонный нож и вернулась в постель. Ну да, я и сама знаю, что чеснок – это против вампиров, а в вампиров я вроде как не верю. *Не хочу* в них верить, по крайней мере. С другой стороны, мне ведь несложно прихватить с собой немного чеснока, верно? Просто так, на всякий случай.

Глава 8

Клара внимательно следила за тем, как я выдавливаю глазурь на партию пикантных кексиков.

– Ты выглядишь так, будто спишь на ходу, – сказала она. – На последний кекс ты вообще наносила глазурь с закрытыми глазами.

– Была тяжелая ночь. В два часа утра в мою спальню заявился Вульф. А после его ухода я так и не смогла уснуть.

– Он был *у тебя в комнате*?

– Я проснулась, а он… стоит и смотрит на меня.

– Жуть какая-то. А что он хотел? Он напал на тебя?

– Нет. Хотел поговорить. Разговор получился своеобразный, что-то среднее между угрозами и предупреждением. Он хотел, чтобы я перестала помогать Дизелю.

– Может быть, это не такая уж плохая идея, – заметила Клара.

Гло слушала нас, стоя в дверях.

– Она не может перестать помогать Дизелю. Она должна спасать мир, а не то все мы провалимся в ад.

– Оболтус он! – заявила Клара.

А лично я подумала, что у всех у нас очень большие проблемы, если удержать человечество от попадания в ад могу только я.

– Мне бы кофе, – сказала я Кларе. – И вздремнуть.

С работы я уехала пораньше и, добравшись домой, тут же рухнула в постель. Когда я проснулась, перед кроватью стоял Дизель и, подбоченившись, смотрел на меня сверху вниз.

– А позвонить в дверь нельзя? – проворчала я. – Я уже устала от мужиков, которые вваливаются ко мне в дом. Имею я право на какую-то частную жизнь?

– А кто еще, помимо меня, вваливается в твой дом без спросу?

– Вульф. Сегодня ночью он явился ко мне, чтобы сказать, что я должна перестать помогать тебе, в противном случае…

– В противном случае – что?

– Этого он не сказал, но не думаю, чтобы он имел в виду что-то хорошее. Большие проблемы, множество опасностей – в общем, что-то такое. Еще он сказал, что если я перестану тебе помогать, то ты отступишь.

– Никуда я не отступлю, – заявил Дизель, – но буду серьезно ограничен в своих возможностях. И он получит большое преимущество.

Я села и свесила ноги с кровати.

– Ты прочел дневник Гудфэллоу?

– Да, хотя это было непросто. Почти сотня страниц, исписанных убористым почерком, с подробным описанием всего, что угодно, от покупки куриц до несварения желудка. А несварений у него было *предостаточно*.

– А что он говорил насчет Лавея?

– Лавей рассказывал Гудфэллоу, что является обладателем древнего артефакта, камня громадной и ужасающей силы, и что это страшное бремя, которое он не в силах вынести на своих плечах. Уничтожить этот камень он не мог, как не мог и расстаться с ним. Когда Лавею передал этот камень его дальний родственник, то предупредил о тех разрушениях, которые может причинить камень, если когда-либо выпустить на свободу содержащуюся в нем энергию зла. Он также сказал, что камень этот не всегда служил злым силам. Камень, который теперь ставит людей на колени через вожделение…

Я непроизвольно хихикнула.

Дизель криво улыбнулся.

– Лиззи Такер, у тебя в голове, похоже, одни только грязные мысли.

– Прости.

– Ничего. Мне понравилось. Это показывает твой потенциал.

– Давай лучше вернемся к Гудфэллоу.

– Лавей сказал Гудфэллоу, что камень этот первоначально был чист. С самого начала он содержал в себе силу истинной любви, но затем был искажен силами зла, как много лет назад были изуродованы все камни САЛИГИА. Лавей был убежден, что камень может быть восстановлен в своей первоначальной чистоте и что это может принести истинную любовь для него самого и для всего мира. К сожалению, Лавей так никогда и не узнал, как снять заклятие с камня. Чувствуя приближение кончины, он спрятал камень, оставив хитро замаскированные подсказки. Гудфэллоу пишет, что только человек, искренне верящий в истинную любовь, в состоянии разобраться в них и найти камень.

– И что ты об этом думаешь?

Дизель пожал плечами.

– Не имеет значения, что думаю я. Моя задача – не допустить, чтобы камни попали в руки Вульфу. Как бы там ни было, но версию, которую я вычитал в статье, взятой со стола Риди, – в той, что написана в пятьдесят третьем году, – я слышу впервые. Да, люди веками искали эти камни. Но что камни эти могут быть расколдованы – для меня новость.

– Но мысль-то хорошая.

– Думаю, да, однако я не хотел бы войти в учебники по истории как человек, который лишил мир вожделения. И честно говоря, все эти рассуждения насчет истинной любви кажутся мне какими-то детскими, что ли.

– Похоже, я уже начинаю к тебе привыкать, – сказала я. – Я уже только немножко боюсь.

Дизель ухмыльнулся.

– Все дело в заниженных ожиданиях. – Он потянулся и почесал живот. – Есть хочется. У тебя случайно не осталось тыквенных маффинов?

Я сунула ноги в кроссовки и зашнуровала их.

– У меня есть и тыквенные, и черничные маффины. А еще я думаю, что ты идиот.

– Да, я это часто слышу.

Дизель спустился за мной по лестнице и выбрал себе маффин с черникой.

– Хочу еще раз съездить в Гарвард, – сказал он. – У меня есть к Джулии несколько вопросов. Я что-то не понял с этими свиданиями. Сначала я думал, что Риди верил, что эти сонеты каким-то образом дадут ему истинную любовь, и все, что ему нужно сделать, – это просто найти правильную женщину. Но все оказалось не так. Эти женщины были частью его поисков камня. Не думаю, что Риди был заинтересован в том, чтобы найти истинную любовь лично для себя.

Примерно через час мы нашли Джулию в кабинете Риди.

– К сожалению, у меня всего несколько минут, – сказала она. – У меня лекция.

– Мне хватит, – успокоил ее Дизель. – Есть женщины, которые утверждают, что в последнее время встречались с доктором Риди. Наша семья хотела бы понять, насколько серьезно он к ним относился. И мы подумали, что вы могли бы это знать.

– Во-первых, я хотела бы сказать, что относилась к доктору Риди со всем уважением. И думаю, что он считал меня своим близким другом. Если отбросить всю эту лирику, должна заметить, что он не всегда вел себя рационально в делах, которые каким-то образом были связаны с Джоном Лавеем. Он считал, что книга сонетов Лавея была громадным прорывом. Он говорил, что она содержит в себе первую подсказку насчет местонахождения камня Вожделения. Он даже нанес визит какому-то человеку на Луисбург-сквер, которому, по сведениям доктора Риди, принадлежит предмет, содержащий вторую подсказку.

– А вы случайно не знаете, что это за предмет или что это за подсказка? – спросил Дизель.

– Нет. Знаю только, что доктор Риди видел этот предмет, однако не смог его расшифровать. По его убеждению, расшифровать эту подсказку может только тот, кто по-настоящему верит в истинную любовь. Можете считать меня циником, но лично я думаю, что, вполне возможно, и нет там никакой подсказки.

– Выходит, он искал женщину, которая искренне верит в истинную любовь, чтобы та расшифровала для него эту самую подсказку, – сказала я Джулии.

Она кивнула и озабоченно посмотрела на часы.

– Да. Простите, но, боюсь, мне уже пора бежать.

– Один последний вопрос, – остановил ее Дизель. – Кто такая Анна?

Щеки Джулии слегка покраснели.

– Она была еще одной женщиной, ищущей истинную любовь. Последней, насколько я знаю. И после встречи с ней доктор Риди очень изменился. Стал возбужденным и недоверчивым. Он даже обвинил меня в том, что я за ним шпионю, когда я ждала его перед кабинетом для нашей обычной еженедельной встречи.

– А вам о ней что-нибудь известно? Фамилия? Как она выглядит?

– Нет, ничего. Только имя – Анна.

Джулия ушла, а мы остались в кабинете Риди.

– Здесь обязательно должно быть что-то, что могло бы нам помочь, – сказал Дизель. – Какой-нибудь адрес в Бикон-Хилл на клочке бумаги. Карта. Номер телефона этой самой Анны.

– Думаю, нам бы очень помогло, если бы у нас была книга сонетов.

– Только если бы мы знали, что следует искать. У Вульфа эта книга есть, но я что-то не вижу, чтобы он сильно продвинулся вперед. Прислал Хэтчета, чтобы тот выкрал ключ. Подозреваю, что ключ этот нужен ему для чего-то большего, а не просто открыть замочек. Я уверен, что Вульф открыл эту книгу безо всякого ключа.

Я села в кресло Риди и внимательно оглядела его письменный стол. Я еще вчера прошлась по тому, что лежало сверху и в выдвижных ящиках, но все же решила это повторить. Я подумала, что если подсказка существует, то она должна быть где-то под рукой. Риди постоянно сидел за столом, делал разные записи, занимался своими исследованиями. Одним из предметов у него на столе была книга о жизни и творчестве Ван Гога. Вчера мне это показалось несущественным, но сегодня я обратила на нее внимание, потому что вспомнила слова библиотекарши о том, что обложка книги сонетов Лавея напомнила ей картину Ван Гога с цветущим миндалем. Холст, масло, закончена в 1890-м году, на ней изображены ветки цветущего дерева на фоне голубого неба. Входит в экспозицию музея Ван Гога в Амстердаме, но в данный момент путешествует в составе передвижной выставки.

Книжка была заложена компьютерной распечаткой того, что на первый взгляд казалось точно такой же картиной, однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что имеются некоторые отличия. Кто-то эти отличия обвел кружками, а на полях написал «частная коллекция» и адрес на Луисбург-сквер.

– Думаю, я кое-что нашла, – сказала я Дизелю. – Иди посмотри. Библиотекарша сказала, что обложка книги Лавея напомнила ей картину Ван Гога с цветущим миндалем. Я нашла эту книгу с репродукциями у Риди на столе, и, видимо, картин с миндалем две. Они похожи, но есть и отличия. Одна из них принадлежит музею, а вторая находится в частной коллекции. Вот тут есть адрес на Луисбург-сквер, а Джулия говорила, что Риди ездил насчет еще одной подсказки как раз туда.

Дизель взглянул через мое плечо и потрепал меня по волосам.

– Что ж, поехали, друг мой Шерлок.

Престижный район Бостона Бикон-Хилл расположился между Бостон-Коммон и Кембридж-стрит с одной стороны и речкой Чарльз – с другой. Улицы здесь узкие, с газовым освещением и в основном с односторонним движением. С какой бы стороны вы ни захотели заехать в Биккон-Хилл, все равно не удастся сделать это прямо из того места, где вы находитесь, если едете на машине. Тротуары здесь покореженные – от времени и проросших корней деревьев. Застроен район был первоначально в основном особняками в федералистском стиле, но для разнообразия кое-где появляются строения в стиле греческого Возрождения. Жилую зону из конца в конец прорезает Чарльз-стрит с антикварными магазинами, ресторанами, бутиками, кофейнями, булочными и овощными лавками. Луисбург-сквер находится в двух кварталах от этой улицы и представляет собой зеленый оазис, окруженный черными коваными оградами и островками деревьев. Дома вокруг площади большей частью из красного кирпича, с черными ставнями, с крошечным задним двориком, пятиэтажные, с одним полуподвальным этажом. Это район Бостона с дорогой недвижимостью, дома здесь стоят по нескольку миллионов долларов. Я устраивала себе туристскую экскурсию по этим улицам, гуляла от Чарльз-стрит по Бикон до здания Палаты представителей штата Массачусетс, так что кое-какое представление о местной географии имела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.